

КРАСНАЯ ЧУМА

18+

Мистер Кринж

Красная чума

«Автор»

2026

Кринж М.

Красная чума / М. Кринж — «Автор», 2026

СССР, ноябрь 1950 года. Из Москвы уходит закрытый эшелон 42. В шестом вагоне находится Мария Соколова — и после отправки её след обрывается. Лейтенант МГБ Вера Соколова получает обрывки документов, в которых повторяются одни и те же отметки: Waldhaus, Разъезд 17, М-4, Н-2. За ними скрывается лесная система передачи, где вагоны разделяют, грузы ведут без общего учёта, а людей могут изолировать так, чтобы о них не осталось ни записи, ни свидетелей. В лесах действует Nachttrot — «Ночная смерть», закрытый Нулевой штамм. Он не приходит с воздухом и туманом. Он остаётся в крови, слюне, ранах и в чужих руках. Чтобы найти мать, Вере придётся пройти по маршруту, где следы намеренно стирают, а каждый следующий ответ может оказаться только ещё одной дверью в темноту.

© Кринж М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	17
Глава 2	30
Глава 3	43
Глава 4	56
Глава 5	66
Глава 6	81
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Мистер Кринж

Красная чума

Пролог

Лампа под низким потолком мигнула, когда Аркадий Левин толкнул тяжёлую дверь плечом. Из коридора дохнуло хлоркой, сырой шерстью шинелей и теплом перегретой изоляции. За спиной двери сразу стало тише: праздничный город наверху не исчезал совсем, но доходил сюда тонкой, дребезжащей нитью — далёкий голос громкоговорителя, обрывок марша, звон трамвая на площади.

На ступенях ещё таял снег, принесённый с улицы. Белая вода стекала с подошв в серые канавки вдоль стены.

Левин остановился у поста.

Дежурный младший лейтенант поднялся слишком поспешно, зацепил коленом табурет и выругался вполголоса. На его шинели темнели мокрые пятна. Он был молод, с красными от холода ушами, и держал телефонную трубку так, будто боялся, что она снова зазвонит.

— Майор Левин, — представился Аркадий, хотя дежурный и без того знал его в лицо. — Где задержанный?

— В третьей. Подполковник Руденко уже там. Врач тоже.

— Кто ещё?

— Два конвоира. Капитан снаружи... то есть подполковник велел никого не пускать без доклада.

Левин снял перчатку. На пальцах остался вьевшийся табачный запах. Он посмотрел на журнал поста, раскрытый перед дежурным.

— Когда доставили?

— Девятнадцать сорок. Из Сокольников. Взяли возле товарной ветки. Документы поддельные, но хорошие. Сопrotивлялся... не очень. Он уже тогда еле шёл.

— Его обыскали?

— Да.

— Вещи где?

— В комнате хранения, товарищ майор. Под описью.

— Ампула?

Дежурный моргнул.

— Какая ампула?

Левин медленно поднял на него взгляд.

— Разбитая. В протоколе задержания она указана.

Младший лейтенант перелистнул листы, быстро провёл пальцем по строчкам. Его лицо изменилось.

— Там написано: стеклянный сосуд, осколки... да. Капитан сказал, похоже на лекарство. Всё положили в пакет.

— В какой пакет?

— В бумажный. Обычный.

Левин закрыл журнал ладонью.

— Никто больше к нему не прикасался?

— Не знаю, товарищ майор.

— Узнайте. Немедленно. И передайте на посты: никаких перемещений по сектору без моего распоряжения. Никого не выпускать, никого не впускать.

Дежурный замялся.

— Подполковник...

— Это не просьба.

Голос у Левина прозвучал ровно, почти негромко. Он всегда говорил так, когда внутри начинало подниматься то, чему нельзя было дать ни имени, ни хода.

Младший лейтенант вытянулся.

— Есть.

Левин пошёл по коридору.

Здесь, внизу, строили не для людей, а для дверей. Двери стояли через каждые несколько шагов: железные, обитые дерматином, с глазками, с табличками, с пустыми местами там, где таблички прежде были. За одной пахло кисло-сладким лекарством. За другой кто-то кашлянул и тут же затих. Вентиляция гудела над головой, равнодушно гоняя воздух по тесным шахтам.

Он знал этот сектор с тех пор, когда здесь ещё хранили изъятые бумаги и людей, которых не следовало держать в общих камерах. Потом бумаги уехали, люди сменились, таблички сняли. Сектор официально исчез. В коридорах остались только белёные стены, ржавые трубы и привычка не задавать вопросов.

У двери третьей комнаты стоял сержант-конвоир. Он потирал руки, хотя в коридоре было душно. На безымянном пальце у него тускло блестело кольцо. Когда Левин приблизился, сержант поспешно спрятал руку за спину.

— Фамилия? — спросил Левин.

— Грачёв, товарищ майор.

— Руки не прячьте, Грачёв. Где были после задержания?

— В машине. Потом тут. Я его придерживал, когда снимали пальто.

— Голыми руками?

Сержант посмотрел на свои ладони.

— В перчатках. Потом... один раз снял. Он в стену ударился, кровь на воротнике была. Но я не трогал. То есть трогал одежду.

— Ран на руках нет?

Грачёв разжал пальцы. Кожа на костяшках была сухой, местами треснувшей от мороза, но свежих повреждений Левин не увидел.

— Нет, товарищ майор.

— Перчатки не выбрасывать. Снять, положить отдельно. Никому не передавать.

— Есть.

Из-за двери донёсся чужой голос — хриплый, сорванный, говоривший по-немецки.

— Wasser... bitte... nicht das Licht...

Вода. Пожалуйста. Не свет.

Левин машинально поправил расстёгнутый воротник гимнастёрки. Он не спал с предыдущей ночи, и щетина на щеках неприятно тянула кожу. Вызов пришёл во второй половине дня, когда на улицах уже развернули красные полотнища и перекрыли движение. Сначала говорили о немецком связном. Потом — о микрофильме. Потом в телефонной трубке прозвучало одно слово, произнесённое незнакомым человеком с плохой дикцией: *Nachtrot*.

Он приехал быстрее, чем позволяли перекрытые улицы.

Левин кивнул Грачёву и вошёл.

Комната была маленькой: железная койка у дальней стены, стол, два стула, раковина с мутным пятном под краном. В верхней части стены — стекло наблюдения, за которым горел желтоватый свет соседнего помещения. На столе стояла лампа с зелёным абажуром, папка, чернильница и стакан воды, к которому никто не притронулся.

Подполковник Руденко сидел боком к столу, сняв китель и закатав рукава рубашки. Шея у него была короткая и сильная; седина уже пробивалась у висков. Он не выглядел раздражённым, но карандаш в его пальцах переломился пополам.

У койки склонился врач — худой парень в белом халате, который был ему велик. Врач держал запястье задержанного двумя пальцами и смотрел на часы.

Сам задержанный лежал на спине, стянутый ремнями поперёк груди и бёдер. Его пальто валялось в углу, мокрое и тяжёлое, с засохшей грязью на полах. Рубашка на нём была расстёгнута до груди; кожа блестела от пота, но губы потрескались, посинели по краям. Он щурился от света и часто, судорожно сглатывал.

Левин увидел его глаза и остановился.

Зрачки были неровными. Один почти не реагировал на лампу. Второй сужался медленно, с опозданием. Белки налились кровью, веки дрожали.

Он слишком хорошо помнил такие глаза.

Не лицо — лица менялись. Возраст, волосы, язык, форма на воротнике. Но глаза оставались одинаковыми: раздражёнными светом, воспалёнными, потерявшими правильную связь с тем, что видели.

— Ну наконец-то, — сказал Руденко. — Ваш немец утверждает, что не знает русского, а потом просит воды без акцента. Профессионал.

— Он не мой, — ответил Левин.

— Пока он ничей. И это меня не устраивает.

Врач выпрямился.

— Товарищ подполковник, температура сорок и две. Пульс частый, неритмичный. Рефлексы...

— Доктор, — перебил Руденко, — если вы хотите сказать, что он нездоров, мы это уже заметили.

Молодой врач покраснел.

— Я хочу сказать, он не похож на обычного раненого или отравленного. У него сильное обезвоживание, светобоязнь, спутанность сознания. И ещё... мышцы. Непроизвольные сокращения.

Левин подошёл ближе, но не к койке — к столу. Он взял карандаш, который уцелел у Руденко, и подвинул к себе папку.

— Имя?

Руденко взглянул на первый лист.

— При нём документов на имя Карла Мейера. Документы, разумеется, подложные. В кармане шифроблокнот, микрофильм и обрывок карты. Умудрился раздавить какую-то ампулу. Видимо, когда его брали.

— Где вещи?

— В соседней. Что с вами, Левин?

Аркадий не ответил. Он перелистнул опись. Бумага была ещё влажной в нижнем углу, где её, вероятно, держали мокрой рукой. «Ампула стеклянная, прозрачная, с остатками вязкой жидкости красновато-бурого цвета». «Следы вещества на внутренней стороне кармана». «Рукава пальто загрязнены кровью».

Он поднял глаза на врача.

— Вы осматривали ему руки?

— Да.

— Раны?

Врач помедлил.

— На правой ладони порез. Старый, но снова раскрылся. На предплечье две глубокие царапины. Не свежие. По меньшей мере сутки.

— Он говорил, откуда они?

— Нет.

— Он говорил хоть что-нибудь связное?

Врач посмотрел на Руденко, потом на задержанного.

— Повторял одно слово. Я не знаю немецкого.

— Nachtröt, — сказал Левин.

Лежавший на койке человек вздрогнул всем телом. Его голова повернулась на звук. Он открыл глаза шире, и в них на секунду появилось что-то человеческое, отчаянно ясное.

— Nein, — прошептал он. — Nein... nicht sagen.

— Как вас зовут? — спросил Левин по-немецки.

Немец облизнул сухие губы.

— Ich... ich weiß nicht.

— Вы помните, откуда прибыли?

— Der Zug. Nein. Kein Zug. Der Wald... Schnee... die Brücke.

Лес. Снег. Мост.

— Из Германии?

Человек зажмурился. По виску у него побежала капля пота.

— Nicht öffnen.

— Что не открывать?

— Die Dose. Nicht... das Glas. Nicht anfassen.

— Ампулу?

Тот резко дернулся в ремнях. Железная койка скрипнула по полу.

— Nachtröt!

Слово вылетело из него не как ответ, а как крик боли.

Руденко наклонился вперёд.

— Вот. Вот это уже похоже на разговор. Что такое Nachtröt?

Левин повернулся к нему.

— Подполковник, прекратите допрос.

Руденко медленно расправил бумажную полоску, оставшуюся от карандаша.

— Простите?

— Немедленно прекратите. Закройте сектор. Прекратите перемещения между помещениями. Вызовите санитарную группу с защитными средствами.

— Какие ещё средства? — Руденко усмехнулся, но усмешка вышла усталой. — У нас не холера в казарме, майор. У нас задержанный с температурой и материалами чужой разведки.

— Я не буду вам лгать: я не знаю, что именно в ампуле. Но я знаю это название. И знаю признаки.

— Вы видели эту болезнь?

Левин положил ладони на стол. Кожа под пальцами почувствовала шероховатость старого дерева, врезанные кем-то линии, липкое пятно чернил.

— В конце войны я видел документы. И людей, которых пытались описать этими документами.

— Документы — это не диагноз.

— Нет. Но сейчас важнее другое. Никто не должен касаться его крови, слюны, одежды или осколков без защиты. И никто не должен выходить из этого коридора.

Врач переводил взгляд с одного на другого.

— Товарищ майор, если это инфекция, мне нужно знать путь передачи.

— Контакт с биологическим материалом. Глубокие повреждения кожи. Слизистые. Не подходите к нему вплотную. Не трогайте его без необходимости.

Руденко выпрямился.

— Вы предлагаете бросить нам единственного свидетеля? Он доставил микрофильм через границу, пришёл к точке связи и почти погиб, чтобы передать материалы. Значит, он знает маршрут. Знает людей. Может, знает, кто здесь его ждал.

— Возможно.

— А вы хотите запереть его и ждать санитаров, которых ещё неизвестно сколько искать в праздничный вечер.

— Да.

— Вы понимаете, что отвечаете за это решение?

Левин посмотрел на подполковника. Руденко был не из тех, кто наслаждался чужой властью. Он просто знал цену промедлению. Левин видел таких людей много раз: они умели быстро решать, умели подписывать, умели потом не вспоминать, как дрогнула рука у человека напротив.

И сам он был одним из них.

— Понимаю, — сказал он. — Поэтому и говорю.

Немец застонал. Его лицо свело судорогой, рот открылся, но воздуха будто не хватало. Врач шагнул к койке.

— Не ближе, — резко сказал Левин.

Врач остановился.

— Но он задыхается.

— Наблюдайте.

— Наблюдать? Товарищ майор, я врач.

— Возьмите резиновые перчатки. Маску. Халат. Хоть что-нибудь.

— В шкафу только обычные...

— Возьмите.

Врач кивнул и торопливо направился к шкафчику у двери. Один из конвоиров, стоявших в углу, сдвинулся с места. Это был не Грачёв, а второй — старше, с худым лицом и тёмными кругами под глазами. Левин заметил, что у него на внутренней стороне манжеты белеет нитка: жена или мать недавно штопала рукав, неудачно подобрав цвет.

— Как фамилия? — спросил Левин.

— Семёнов, товарищ майор.

— Отойдите от койки на два шага. Оба.

— Есть.

Семёнов подчинился не сразу: взгляд его задержался на лице задержанного. Вероятно, он решил, что немцу стало плохо и тот сейчас умрёт. За годы службы Левин видел, как быстро чужая смерть превращается для конвоира в обычную работу: расстегнуть ремни, доложить, оформить. Не жестокость. Защита.

Немец вдруг заговорил снова — быстро, почти беззвучно.

— Waldhaus... Waldhaus ist offen...

Карандашный обломок выпал у Руденко из пальцев.

Левин не взял его.

Waldhaus.

На мгновение перед глазами встал не подвал Лубянки, а слишком чистый бланк, немецкие литеры, напечатанные чёрной краской. Печать в углу. Строка с названием, которое тогда перевели сухо и небрежно: «Лесной дом». Потом — шахтный коридор под холмом, мокрый камень, запах карболки, который не мог перебить запах железа.

Он заставил себя вернуться к койке.

— Где Waldhaus? — спросил он по-немецки.

Человек смотрел в потолок.

— Unter dem Haus... kein Haus. Nur Türen. Immer Türen.

Под домом. Не дом. Только двери. Всё время двери.

— Кто вас отправил?

Губы немца затряслись.

— Falk...

Левин наклонился на несколько сантиметров, не больше.

— Конрад Фальк?

Задержанный дёрнул головой, будто имя ударило его.

— Nein. Ja. Ich... er ist nicht... — Он закашлялся, сухо, с надрывом. — Die siebte.

Руденко быстро подался вперёд.

— Что он сказал?

Левин не ответил.

Внутри у него что-то сжалось и тут же стало холодным, рабочим. Соколова не должна была оказаться рядом с этой историей. Никто не должен был произносить это число здесь, в Москве, в подвале, где пахло мокрыми шинелями и хлоркой.

— Повторите, — сказал он по-немецки.

Немец перевёл на него взгляд. В глазах появилась мутная злость.

— Die siebte lebt.

Седьмая жива.

— Где она?

Но человек уже не слышал вопроса. Он заговорил с кем-то другим, на другом конце памяти.

— Nicht die Kinder... Bitte. Nicht wieder.

Не дети. Пожалуйста. Только не снова.

Руденко встал.

— Левин.

— Нужна изоляция, — сказал Аркадий, не оборачиваясь. — Сейчас.

— Что значит «седьмая»?

— Не знаю.

Ложь была короткой и привычной. От неё стало хуже, чем от правды.

— Вы слишком быстро начали не знать, — тихо заметил подполковник.

— Послушайте. Я понимаю, что вы хотите получить. Я хочу того же. Но если мы ошибёмся, здесь не останется никого, кто задаст следующий вопрос.

Руденко шагнул к нему.

— Вы не имеете права закрывать сектор по воспоминаниям о немецких бумагах.

— Тогда закройте на основании состояния задержанного. Высокая температура. Неясная инфекция. Контакт с кровью. Вам хватит формулировок?

Врач вернулся, натягивая резиновые перчатки. Одна перчатка была велика и собиралась складками у запястья. На лице у него сидела марлевая маска, завязанная слишком туго.

— Товарищ майор, он становится цианотичным. Я должен проверить дыхание.

Левин посмотрел на немца.

Тот уже не стонал. Грудь перестала подниматься. Голова съехала набок. Ремень на груди медленно ослаб, потому что тело обмякло.

Секунда прошла. Потом ещё одна.

Врач бросился к койке.

— Стойте, — сказал Левин.

Врач не услышал. Или сделал вид, что не услышал. Он наклонился, поднёс пальцы к шее задержанного, потом припал ухом к груди.

— Пульса нет, — выдохнул он. — Семёнов, помогите расстегнуть ремень.

Семёнов подошёл с левой стороны койки. Его рука потянулась к пряжке на груди немца.

Левин увидел, как на шее задержанного дрогнула жила.

— Семёнов, назад!

Конвоир вскинул голову.

— Что?

Немец открыл глаза.

Не резко — в этом было самое страшное. Веки поднялись медленно, тяжело, и взгляд сначала скользнул по потолку, по лампе, по лицу врача. Потом остановился на руке Семёнова у ремня.

Семёнов отдёргнул пальцы.

— Товарищ...

Ремень на груди лопнул не от силы, а от того, что пряжка была уже растёгнута наполовину. Немец приподнялся так быстро, что врач отшатнулся и ударился спиной о стол. Койка скрежетнула ножками.

Семёнов попытался схватить его за плечо. Немец вцепился в его запястье обеими руками.

— Уберите его! — крикнул врач.

Левин уже двигался.

Немец не смотрел на Семёнова как на человека. Его лицо было перекошено судорогой, зубы скрипнули. Семёнов рванулся, ударил свободной рукой, но задержанный держал его с неожиданной, сухой силой. Потом притянул к себе и впился зубами в шею у края воротника.

Семёнов закричал коротко, сдавленно. Не от боли даже — от неожиданности. Он ударил затылком о стену, вырвался, прижав ладонь к шее. Между пальцами сразу проступила кровь.

— Дверь! — приказал Левин. — Закрыть дверь!

Грачёв, стоявший снаружи, не мог услышать. Второй конвоир — тот, которого Левин прежде не заметил у стекла наблюдения, — рванулся к выходу. Немец прыгнул с койки, запутался ногой в ремне, упал на колено, но тут же поднялся.

Врач стоял у стола, белый поверх маски.

— У него не было пульса...

— К стене! — Левин выхватил пистолет.

Руденко схватил Семёнова за локоть и потянул к двери.

— Выводи раненого!

— Никого не выводить! — голос Левина прозвучал так резко, что Руденко замер. — Он укушен. Назад. Все назад.

Немец повернулся к ним.

В его движениях не было ничего сверхъестественного. Он шатался. Правая нога подвалакивалась, лицо блестело от пота, дыхание вырывалось хрипами. Но в нём исчезло то, что заставляет человека остановиться перед другим человеком: сомнение, речь, узнавание.

Он сделал шаг к врачу.

Врач попятился, задел локтем стакан. Вода разлилась по столу, стекло упало на пол и разбилось.

— Не бегите, — сказал Левин. — Стойте.

Немец бросился.

Врач успел отскочить в сторону. Плечо задержанного врезалось в край стола. Папка, чернильница, листы полетели на пол. Чёрные чернила растеклись по листу описи, смешались с водой.

Руденко ударил немца табуретом в висок. Удар был сильный, глухой. Голова задержанного мотнулась, он рухнул на одно колено.

— Связать его! — сказал Руденко.

— Нет! — Левин держал пистолет двумя руками. — Отойти от него.

Подполковник тяжело дышал.

— Он один. Нас пятеро.

— Нас четверо и раненый. Не подходите.

Немец медленно поднял голову. Из уголка рта тянулась тонкая красная нить. Он посмотрел на Левина.

Аркадий узнал выражение. Не в нём самом, не в конкретном лице — в архивной фотографии, сделанной чужой рукой. Там был человек, привязанный к столу. Под снимком значились температура, время, реакция на свет. В графе «речь» стояло одно слово: утрачена.

Он слишком долго надеялся, что прошлое останется в папках.

Немец выпрямился.

— Аркадий! — крикнул врач.

Левин не помнил, называл ли кто-то его по имени. Возможно, врач просто хотел сказать «товарищ майор» и не успел.

Задержанный прыгнул не на него. Он рванулся к двери, где стоял Семёнов, согнувшийся и прижимавший к шее платок.

Левин выстрелил.

Первый выстрел ударил по комнате громче, чем должен был. В замкнутом помещении звук не ушёл, а остался в ушах дрожью. Пуля вошла задержанному в грудь. Его отбросило к стене, он сполз, но тут же попытался подняться.

Руденко выругался.

Левин выстрелил второй раз.

Немец рухнул на пол у двери, лицом к плитке. Его руки ещё несколько секунд скребли по полу. Потом одна ладонь разжалась. Пальцы легли на осколок стакана.

Никто не двигался.

Вентиляция продолжала гудеть. За стеной, в коридоре, кто-то дёрнул ручку двери.

— Откройте! Что там? — донёсся голос Грачёва.

— Не открывать! — крикнул Левин. — Никому не открывать!

Семёнов медленно сел на пол, прислонившись к двери. Его платок пропитался кровью. Кровь стекала на воротник, за шиворот, тёмными каплями падала на плитку.

— Товарищ майор, — сказал он. — Он меня... он...

— Я вижу.

— Это ничего. Наверное, ничего. Он грязный был, да. Но я...

— Семёнов, не трогайте лицо. Руку от шеи не убирайте.

— У меня дома жена, — сказал тот. — Сын болеет уже вторую неделю. Кашель. Я завтра должен был лекарство...

Он замолчал, потому что слова вдруг перестали складываться.

Врач стоял у стола, стиснув в кулаке резиновые перчатки. Одна слетела и лежала на полу, наполовину в чернилах.

— Он был мёртв, — прошептал врач. — Я проверял. У него не было пульса.

— Он не был мёртв, — сказал Левин.

Руденко посмотрел на тело у двери, затем на Семёнова.

— Что это за болезнь?

Левин опустил пистолет, но не убрал его.

Порох пах резко, почти сладко. Он смешался с хлоркой, кровью, сырым пальто. На манжете Левина темнело пятно: он не помнил, когда задел стол.

— Я не знаю, как она называется по нашим документам, — ответил он. — Но немецкое название вы слышали.

— Nachtrot?

— Да.

Руденко провёл ладонью по лицу. На его щеке осталась тонкая чёрная полоса от чернил — он, вероятно, задел стол во время удара табуретом.

— И что теперь?

Левин посмотрел на врача.

— Доктор, вы сможете подготовить отдельное помещение?

Тот сглотнул.

— Здесь нет... для такого нет отдельных помещений.

— Есть архивная камера в конце коридора. Два замка, бетонная дверь. Там можно поставить койку.

— Там холодно.

— Будет теплее, чем в морге.

Врач вздрогнул.

— Он жив, — добавил Левин. — И пока будет жив, его надо держать отдельно. Вы не приближаетесь к ране без защиты. Не прикасаетесь к крови. Не даёте ему пить из общей посуды. Ничего не выносите из комнаты.

— А помочь ему?

Левин посмотрел на Семёнова.

Тот уже дышал чаще. Не от болезни — от страха и боли. Но Левин знал, как быстро страх может смениться жаром, жар — спутанной речью, а потом тем, чего нельзя остановить словами.

— Помогите, — сказал он. — Сделаете всё, что можете. Но сначала — изоляция.

Руденко подошёл к двери и посмотрел на Левина.

— Я возьму людей.

— Нет. Людей в комнату не приводить. Пусть принесут носилки и оставят в коридоре. Через пост передайте: закрыть оба конца сектора. Вентиляционный проход перекрыть, если возможно. Все, кто был в контакте с задержанным или его вещами, остаются здесь.

— Вы отдаёте распоряжения через мою голову.

— Сейчас важнее другое.

Подполковник стиснул челюсти. Несколько секунд он ничего не говорил. Затем кивнул.

— Хорошо. Но связь с руководством будет через меня.

— Согласен.

— И вы объясните мне всё, что знаете.

— Объясню, когда у нас будут закрыты двери.

Руденко открыл рот, собираясь возразить, но за стеклом наблюдения мелькнуло лицо Грачёва. Сержант прижался к стеклу, пытаясь разглядеть, что происходит. На его пальце снова блеснуло кольцо.

Руденко отвернулся и ударил кулаком в дверь.

— Грачёв! Слушай приказ. Коридор закрыть с обеих сторон. Никого не выпускать. Вызови оперативного дежурного, санитарную группу и начальника охраны. Скажи: аварийная изоляция. Повторяю — аварийная изоляция. Понял?

— Понял, товарищ подполковник.

— И не снимай перчаток!

— Есть.

Шаги удалились. В коридоре зазвенел телефон.

Левин подошёл к телу немца, остановился в двух шагах. Пуля прошла ровно. Он не испытывал облегчения. Только усталость, густую и тяжёлую, как мокрая шинель на плечах.

На полу, возле вытянутой руки курьера, лежал клочок бумаги. Он выпал из папки при падении. Край был испачкан чернилами, но в центре сохранились несколько строк, написанных мелким немецким почерком.

Левин наклонился, не касаясь бумаги.

WALDHAUS.

Ниже — цифры. Координаты, возможно. Или шифр. Потом знакомые инициалы: К. Ф. И ещё одно слово, выведенное нажимом, от которого бумага почти прорвалась:

SIEBEN.

Семь.

Левин выпрямился.

— Руденко.

Подполковник обернулся от двери.

— Что?

— Вещи задержанного. Где они?

— В соседней комнате хранения.

— Её закрыли?

— Пока нет.

Левин ощутил, как у него похолодели пальцы. Он не позволил себе взглянуть на врача: тот и без того был на грани.

— Закрыть немедленно. Никому не входить. Пакет с ампулой не трогать. Не переносить. Не вскрывать.

— Я уже понял, что вы боитесь этой ампулы.

— Я боюсь не ампулы. Я боюсь того, что с ней сделали до нас.

Руденко посмотрел на мёртвого курьера.

— Он сказал про седьмую. Это имеет отношение к вашему отделу?

Вопрос был задан негромко. Почти деловым тоном. Тем хуже.

Левин почувствовал привкус табака во рту. Перед внутренним взглядом возникла картотека, ровные ряды папок, подписи, которые он сам когда-то поставил. Потом — лицо Веры Соколовой, мельком увиденное несколько недель назад в коридоре института: собранное, усталое, с прядью волос, выбившейся из-под платка. Она тогда спросила его о каком-то разрешении так спокойно, что он ответил слишком быстро и ушёл, не оглядываясь.

Он думал, что успеет.

— Нет, — сказал он. — Пока я не знаю, к чему это относится.

Руденко хмыкнул.

— «Пока».

— Подполковник, займитесь изоляцией.

— Займусь.

Врач присел перед Семёновым, не касаясь его. Молодое лицо у него стало серым.

— Товарищ сержант, вы меня слышите?

— Слышу.

— Голова кружится?

— Нет. Нет, просто... холодно.

— Это от потери крови, — сказал врач, и Левин понял, что тот говорит это скорее себе, чем раненому.

— Перевязывать будете? — спросил Семёнов.

Врач посмотрел на Левина.

Аркадий кивнул.

— В перчатках. Марля, бинт, йод. Всё, что использовали, остаётся в камере. Потом сожжём.

Семёнов поднял на него глаза.

— Сожжёте?

— Послушайте, сержант. Сейчас вы будете делать то, что вам скажет врач. Не вставать. Не пытаться уйти. Не трогать рану.

— А моя жена?

Левин присел на корточки, сохраняя расстояние.

Семёнов был старше, чем показался сначала. На висках у него уже блестела седина. Возможно, жена ждала его сейчас в комнате коммунальной квартиры, слушала по радио остатки праздничного концерта, ставила на стол остывший чай. Возможно, ребёнок действительно кашлял в другой комнате.

Левин не имел права говорить ему правду, потому что правды пока не было. Имел ли он право говорить надежду — тоже не знал.

— Вашей жене сообщат, что вы задержаны по службе, — сказал он. — Это всё, что можно сделать сейчас.

— Я не хочу, чтобы она сюда приходила.

— Она не придёт.

Семёнов закрыл глаза. Его пальцы, испачканные кровью, нащупали кольцо и судорожно повернули его вокруг пальца.

За дверью снова зазвонил телефон. Потом ещё один, дальше по коридору. Гул вентиляции стал казаться громче.

Левин поднялся.

— Доктор, тело не трогать до прибытия санитарной группы. Понятно?

— Да.

— Если оно пошевелится...

Врач побледнел ещё сильнее.

— Оно не пошевелится, — сказал Руденко, стоявший у двери.

Левин посмотрел на него.

— Если пошевелится, не подходить. Зовите меня.

Подполковник задержал взгляд на пистолете в руке Левина.

— А вы что сделаете?

Аркадий не ответил.

Он подошёл к столу, где под слоем воды и чернил лежала опись вещей. Взял чистый лист из папки, обернул им пальцы, поднял с пола клочок с надписью WALDHAUS и положил в металлический лоток. Затем заметил под столом маленький чёрный цилиндр — футляр от микрофильма.

Футляр был сухим. Значит, его ещё не успели вскрыть.

На секунду ему захотелось оставить его лежать. Закрыть дверь, запереть коридор, приказать залить всё бетоном, сжечь бумаги, уничтожить память о немецком слове, о цифре семь, о Фальке. Так проще. Так всегда казалось проще тем, кто ставил подписи на обложках дел.

Но оно уже приехало в Москву.

Левин поднял футляр бумажной полосой и положил рядом с обрывком карты.

— Руденко, — сказал он.

— Я здесь.

— Дайте мне связь с центральным аппаратом. Прямая линия. Без регистрации через общий журнал.

Подполковник прищурился.

— С кем?

— С дежурным по особому сектору. Скажите, что это распоряжение майора Левина и что код подтверждаю лично.

— Вы уверены?

Аркадий посмотрел на кровь, медленно собирающуюся в швах плитки. На мокрый след от ботинка курьера. На тело, которое ещё недавно говорило, просило воды и пыталось предупредить их.

Потом он увидел перед собой Веру Соколову — неясно, как всегда бывает с теми, кого слишком долго стараешься не вспоминать.

— Найдите Соколову. Немедленно. И пусть никто не говорит ей, что именно привезли в Москву.

Глава 1

Бухгалтер сидел на краю стула и держал шапку обеими руками. Шапка была старой, с залоснившимся козырьком, и от неё пахло мокрой шерстью. Он успел снять пальто, но не успел согреться. В комнате на втором этаже было душно от табака, керосиновой печки и четырёх человек, которые молчали дольше, чем требовала обычная служебная беседа.

Вера Соколова перелистнула тонкую папку. Бумаги в ней были аккуратно подшиты, страницы пронумерованы карандашом. Она сама поставила цифры утром, чтобы потом не тратить время на поиски.

— Вы утверждаете, что бланки накладных забрали из сейфа в ночь на третье октября?

— Я не утверждаю, товарищ лейтенант. Я сказал, что утром их не было.

— Сейф открывали?

— Открывали.

— Кто?

Бухгалтер облизнул губы.

— Начальник отдела. И я.

— После того как обнаружили пропажу?

— Да.

— До этого?

Он посмотрел на человека у окна. Тот был старше, в форме без знаков различия, и всё время курил, не стряхивая пепел. Бухгалтер перевёл взгляд обратно.

— Не помню.

Вера закрыла папку.

За окном с коротким стуком бился мокрый снег. Стекло темнело, в нём отражалась лампа под зелёным абажуром и спина курящего сотрудника. Вера видела его лицо только в мутном отражении: тяжёлый подбородок, светлая полоска на лбу, пальцы с жёлтыми ногтями. Он не был начальником бухгалтера. Начальник, судя по интонациям, сидел рядом с дверью и делал вид, что занят собственными мыслями.

— Вы приносили мне справку, — сказала Вера. — В ней указано, что сейф вскрыли в семь часов сорок минут.

— Так и было.

— А сейчас вы говорите, что обнаружили пропажу утром. Во сколько именно?

— Около семи.

— Около семи — это до вскрытия или после?

Бухгалтер сжал шапку сильнее. На его большом пальце выступила белая полоска.

— До.

— Почему в справке другое время?

— Мне сказали так написать.

— Кто?

Он опять посмотрел на окно.

Вера не стала повторять вопрос. Повторение редко помогало. Люди начинали защищать первую ложь, даже если она была случайной. Страх имел собственную логику: заставлял держаться за уже сказанное, потому что отступить казалось опаснее.

Она вынула из папки один листок.

— Здесь подпись заведующего складом. Вы её узнаете?

— Да.

— Его фамилия написана через «о». В остальных документах через «а».

Бухгалтер поднял глаза.

— Он неграмотный человек. Может, ошибся.

— В подписи?

— Не знаю.

— А в накладной?

— Это не моя работа.

— Вы бухгалтер.

— Я не занимаюсь почерками.

Курящий у окна впервые повернул голову. Пепел с сигареты упал на подоконник.

Вера заметила, что у бухгалтера дрожит левое колено. Не от холода. На лбу у него выступили мелкие капли, хотя печка давно перегрела комнату. Он боялся не её. Это было понятно с первого вопроса: страх перед следователем обычно был прямым и тупым, человек старался угадать, что от него хотят. Этот же боялся сказать что-то лишнее тем, кто останется после её ухода.

Она положила листок обратно.

— Я не спрашиваю вас о подписях, товарищ Громов. Я спрашиваю, где вы были второго октября после девяти вечера.

— Дома.

— Один?

— С женой.

— Адрес.

Он назвал улицу, номер дома, квартиру. Быстро, без запинки. Вера записала.

— Жена подтвердит?

— Конечно.

— Хорошо. Теперь скажите, кто в вашем отделе имел доступ к печати транспортного управления.

Бухгалтер молчал.

Начальник у двери тяжело вздохнул. Вера не посмотрела на него. Ей не нравилось, когда за свидетелем сидело начальство, но убрать его она не могла: формально беседа велась в ведомственной конторе, и хозяева помещения считали себя участниками каждого разговора. Формально они были правы. Формальности иногда служили порядку, иногда — прикрывали трусость. Приходилось различать.

— Громов, — сказала она ровно. — Назовите фамилии.

— Печать лежит в канцелярии.

— Ключ от канцелярии.

— У секретаря.

— Ещё.

— У начальника отдела.

— Ещё.

Он провёл ладонью по шапке.

— У меня был запасной.

— Был?

— Я его потерял летом.

— Когда сообщили?

— Я не сообщал.

— Почему?

— Думал, найдётся.

— Нашёлся?

— Нет.

Вера сделала пометку на полях. Чернила в авторучке были густые, холодные, и перо чуть царапало бумагу.

— Вы потеряли ключ к печати, не сообщили об этом и считаете, что это не имеет отношения к пропавшим бланкам?

— Я не сказал, что не имеет.

— Тогда почему вы ждали, пока я спрошу?

Он развёл руками. Жест получился жалкий и осторожный.

— Потому что меня за это посадят.

— За потерю ключа вам придётся отвечать. За попытку скрыть потерю — тоже. Но сейчас вы можете помочь разобраться, кому понадобились поддельные накладные.

— Я ничего не подделывал.

— Я вас пока в этом не обвиняла.

— Все так говорят.

— Не все.

Он замер, разглядывая её. Вера знала, как она сейчас выглядит: мокрые пряди тёмных волос выбились из-под платка у висков, воротник пальто был поднят, перчатки лежали на коленях. Она не снимала пальто, потому что рассчитывала закончить быстро. Уже почти час назад рассчитывала.

Человек у окна докурил сигарету, раздавил окурки в блюдце и сказал:

— Товарищ лейтенант, может, хватит? У нас праздничный день. Громов не на допросе.

— Я вижу, — ответила Вера. — Поэтому и задаю вопросы.

— Он бухгалтер, не преступник.

— Это выяснится.

Начальник возле двери кашлянул.

— Громов, отвечайте. Не стройте из себя ребёнка.

Бухгалтер вздрогнул от его голоса сильнее, чем от слов Веры. Вот это было уже полезнее любой подписи. Она отметила про себя: начальник знает больше, чем показывает. Или Громов уверен, что знает.

— Запасной ключ я отдал, — выговорил бухгалтер.

В комнате никто не пошевелился.

— Кому? — спросила Вера.

— Я не знаю фамилии.

— Вы отдали ключ человеку и не знаете фамилии?

— Он приходил от районного снабжения. В августе. Сказал, проверка. Показал удостоверение.

— Как выглядел?

— Невысокий. В очках. Серое пальто. Портфель.

— Возраст?

— Лет сорок. Может, больше.

— Говор?

— Обычный.

— Особые приметы?

Бухгалтер беспомощно покачал головой.

— Он расписался в журнале?

— Нет.

— Почему?

— Я... Я хотел, чтобы он расписался. Он сказал, потом.

— И вы отдали ключ?

— Он сказал, что распоряжение из управления.

Вера повернулась к начальнику.

— Журнал проверок есть?

— Есть.

— Принесите.

Тот недовольно поджал губы.

— Сейчас?

— Да.

— Товарищ лейтенант, на улице праздник. Архивариус ушёл.

— Журнал не в архиве.

— Не вам решать, где у нас журналы.

Вера застегнула папку.

— Тогда я отмечу, что доступ к журналу предоставлен не был.

Он посмотрел на неё с тем выражением, которое она уже видела много раз: не открытая угроза, а подсчёт того, насколько далеко можно зайти без последствий. Молодая сотрудница, не из местных, без громкой фамилии. С ней можно говорить через зубы. Пока она не подняла трубку.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил он.

— Ничего. Я сказала точно.

Курящий мужчина тихо хмыкнул.

Начальник резко взял со стола телефон, снял трубку, но не набрал номер. Несколько секунд слушал гудок, потом положил обратно.

— Принесут журнал, — сказал он.

— Хорошо.

Вера поднялась. Ноги у неё затекли, в носках было влажно, и от этого злилась каждая мелочь. Она собрала бумаги, проверила, на месте ли служебное удостоверение во внутреннем кармане, поправила ремешок часов. Без двадцати шесть. Сумерки за окном давно превратились в вечер.

Если ей повезёт, она успеет купить по дороге хлеб, а дома будет горячий чай. Мать скажет, что чай давно остыл, и тут же поставит чайник заново, стараясь не показать, что ждала. Вера ответит, что не надо было ждать. Мать фыркнет. Всё будет как обычно, и в этом не было ничего плохого.

Бухгалтер вдруг сказал:

— Товарищ лейтенант.

Вера остановилась.

— Да?

— Я правда не знал, что там возят.

— Где?

— По этим накладным.

— А что там возили?

Он закрыл рот.

— Громов.

— Я слышал только, что это не продукты. И не ткань. Я ничего не видел.

— От кого слышали?

— От кладовщика. Он пьяный был. Болтал.

— Когда?

— В сентябре.

— Где кладовщик?

— Уволился. На прошлой неделе.

— Адрес известен?

— Может быть, в отделе кадров.

Вера кивнула.

— Напишите всё, что помните. Не красиво. Точно.

Она положила перед ним чистый лист и карандаш. Бухгалтер взял карандаш, но писать не начал.

— Мне можно домой? — спросил он.

— Пока нет.

— Но праздник.

— Праздник никуда не денется.

Это прозвучало суше, чем она хотела. Она видела, как он опустил голову, и чуть смягчила голос:

— Напишите. Потом решим.

Когда она вышла из комнаты, коридор конторы встретил её холодом и запахом варёной капусты. Где-то в глубине здания играло радио. Торжественный голос говорил о стойкости, победах, трудовых свершениях, но сквозь помехи слова распадались на отдельные глухие звуки. Вера застегнула пальто до подбородка и спустилась по лестнице.

На площадке первого этажа женщина с ведром ругалась с дворником из-за протекающей трубы. У женщины была красная косынка, мокрая по краям, а у дворника — орденская планка на вытертом пиджаке. Они спорили с такой серьёзностью, будто от трубы зависело устройство государства.

Вера миновала их, вышла во двор и сразу почувствовала, как холод пробрался под воротник.

Снег шёл неуверенно, тяжёлыми крупными хлопьями. Он ложился на чёрную воду в колеях, таял на брусчатке, лип к подолам пальто. Двор был тесный, с сараями, облупленной стеной и единственным фонарём над аркой. Из арки тянуло улицей: углём, железом трамвайных проводов, мокрой шерстью и хлебом.

Вера постояла секунду под козырьком, натягивая перчатки. В кармане лежала папка с показаниями Громова, в другом — кошелёк и сложенный платок. Она машинально проверила оба кармана, потом пошла к арке, осторожно обходя ледяные лужи.

Москва после праздничных мероприятий не успокаивалась сразу. Она сбрасывала шум постепенно, с упрямством человека, который слишком долго не спал и теперь не может заснуть. На фасадах домов мокли красные полотнища. Ветер толкал их к стенам, и они прилипали к штукатурке, тяжёлые, потемневшие от снега. Над перекрёстком висел транспарант; буквы расплывались в сыром воздухе, но Вера и без того знала, что там написано.

Громкоговоритель на углу хрипло доигрывал марш. Духовые инструменты пробивались через треск, то пропадали, то возвращались. Возле булочной стояла очередь. Люди держались под навесом, прижимали к груди авоськи и талоны, переступали с ноги на ногу. Вера увидела мальчика лет семи в слишком большом ватнике. Он махал бумажным флажком, пока мать не отняла его со словами:

— Размочишь. Дома помашешь.

Мальчик обиделся, но через минуту опять вытянул флажок из-за её спины. Вера поймала его взгляд. Он смотрел на неё внимательно, как смотрят дети на людей в форме, пытаясь угадать, строгие они или нет. Она коротко кивнула ему. Мальчик выпрямился и спрятал флажок за пазуху.

У витрины гастронома стояли двое мужчин в шинелях. Один был без руки по локоть, пустой рукав аккуратно заправлен в карман. Второй, седой, с узким лицом, что-то рассказывал, оживлённо стуча пальцем по стеклу. За стеклом лежали банки с консервами, колбасы, аккуратные пирамидки мыла. Витрина выглядела праздничнее, чем жизнь вокруг неё. Вера знала, что большинство стоявших у стекла ничего не купят. Всё равно смотрели.

Она свернула к трамвайной остановке. Рельсы блестели, чёрные от воды. Трамвай подошёл почти сразу, скрипнул тормозами и выпустил на тротуар людей: женщину с ребёнком на руках, старика в ушанке, двух девушек в одинаковых серых пальто, пожилого мужчину с букетом хризантем, завернутым в газету.

Вера вошла в вагон последней. Внутри было жарко и тесно. Стёкла запотели, на них пальцами были выведены чьи-то имена и неразборчивые круги. Пахло мокрой одеждой, табаком и дешёвым одеколоном. Кондукторша продиралась по проходу, щёлкая компостером.

— Передаём за проезд. Не толкаемся. Товарищ в шинели, не стойте на подножке, дверь не закроется.

Вера взялась за холодную перекладину. Вагон тронулся, качнулся, и ей пришлось упереться плечом в стекло. За окном медленно поплыли мокрые улицы.

Она любила Москву без нежности и без восторга. Любить её как открытку было бы странно: слишком много здесь было трещин, тесных комнат, очередей, чужого горя, которое слышалось сквозь стены коммуналок. Но город умел жить дальше. После войны он ходил неровно, экономил хлеб, латал крыши, отмывал копоть с фасадов. В нём были пустые рукава, таблички с фамилиями погибших, женщины, которые носили письма в карманах годами. И всё-таки трамваи звенели, дети тянулись к сладостям, парикмахерские открывались утром, а на праздники люди выходили на улицы, потому что им было нужно видеть друг друга живыми.

Вера не любила парады. На них всегда было слишком много одинаковых лиц и слишком мало настоящей радости. Но сегодняшний город не был одинаковым. Женщина в старом каракулевом воротнике несла домой две буханки, прижав их к животу, как ребёнка. Молодой парень в рабочей куртке держал за руку девушку и пытался прикрыть её от снега газетой. Двое мальчишек дрались за красный воздушный шар, уже почти сдувшийся. Около кинотеатра под козырьком курили курсанты, громко споря о футболе.

Трамвай остановился у площади. Вера собиралась выйти здесь и пройти пешком, срезав путь через переулки. Впереди виднелись огни, и ей вдруг захотелось тишины кухни сильнее, чем еды.

Она протиснулась к выходу.

— Товарищ лейтенант!

Голос был знакомый. Вера обернулась.

У дверей стоял милиционер в мокрой плащ-палатке, с красной повязкой на рукаве. Лицо его она знала смутно — дежурил иногда у здания управления, фамилию, кажется, называли при ней один раз. Рыжий, коренастый, с прищуром от ветра.

— Соколову не ошибёшься, — сказал он, когда она сошла на тротуар. — Даже в таком тумане.

— Это снег.

— На празднике всем ясно, что снег. На службе — туман.

— Вы философствуете по расписанию?

— Сегодня исключительный день. Дежурство с полудня, начальство обещало сменить в шесть. Уже почти шесть, а у них, видно, часы идут по революционному календарю.

Вера поправила платок под воротником.

— Значит, сменят к следующему ноябрю.

Милиционер усмехнулся.

— Куда направляетесь?

— Домой.

— Смелый план.

— Пока не запрещён.

— Не сглазьте.

Он сказал это шутливо, но глаза у него были усталые. На перекрёстке люди обходили милицейский пост, не глядя в его сторону. Вера заметила, что у трамвайной остановки стоит санитарная машина. Белая, без привычной надписи на борту, с затемнёнными окнами. Двигатель работал. Возле неё курили двое мужчин в длинных халатах поверх пальто.

— А это что? — спросила Вера.

Милиционер посмотрел туда и пожал плечами.

— Кому-то стало плохо.

— Кому?

— Не знаю. Спросите у санитаров, если они захотят говорить.

— Они здесь давно?

— Минут двадцать.

Вера проследила взглядом за машиной. Дверцы были закрыты, но на ступеньке лежал комок марли, мокрый и серый. Ветер подхватил его, пронёс по мостовой и прижал к колесу.

— Отравился, говорят, — добавил милиционер. — В буфете, что ли. Или драка была. Праздник, сами понимаете.

— Драка и отравление — разные вещи.

— Для рапорта, конечно. А для тех, кто стоит на холоде, одинаково неприятные.

Вера кивнула.

— Берегите горло.

— Вам бы тоже. Голос у вас хрипит.

Она хотела ответить, что голос у неё не хрипит, но в этот миг к горлу подступила лёгкая тошнота. Резкий запах жареных пирожков из ларька смешался с табаком и бензином. Вера отвернулась, сделала медленный вдох холодного воздуха. Пустой желудок напомнил о себе неприятной судорогой.

— Ничего, — сказала она. — Просто давно не ела.

— Тогда берите пирожок. Сегодня, говорят, с мясом.

— «Говорят» — плохой аргумент.

— А вы, товарищ лейтенант, никогда не верите людям?

— Верю. Но не всем сразу.

Милиционер снова усмехнулся. Вера пошла дальше, слыша за спиной его голос: он останавливал двух мальчишек, решивших перебежать улицу перед трамваем.

Снег усиливался. Он уже не таял сразу на плечах, собирался белой крупой на рукавах пальто. Вера держала руки в карманах и шла быстро, обходя толпу. Улица была полна движения, хотя праздничные колонны давно разошлись. Кто-то торопился к родственникам, кто-то возвращался из гостей, кто-то просто не хотел сидеть дома.

На углу у овощной лавки спорили две женщины. Одна утверждала, что в соседнем квартале милиция перекрыла подъезд, потому что «мужик бросался на людей». Другая отмахивалась: пьяный, наверное, вот и вся тайна. Третья, с авоськой, полной картошки, сказала, что видела военный грузовик и что военные по пустыкам не приезжают.

— Военные и за картошкой приезжают, если дать им адрес, — отрезала первая.

Вера прошла мимо, не замедляя шага. Слухи были городской болезнью, особенно после праздников, когда все уставали, выпивали, теряли детей в толпе, ругались, мирились и придумывали объяснения любой закрытой двери. Пьяный мог напасть на прохожего. Военный грузовик мог везти что угодно. Санитарная машина могла стоять на улице по десятку причин.

Но она всё равно запомнила место, время и слова про перекрытый подъезд.

У булочной она остановилась. Очередь двигалась медленно, но хлеба в лотках ещё было достаточно. Вера почти встала в конец, потом посмотрела на часы. Без десяти шесть. Если встать, домой она попадёт не раньше семи. Мать будет ворчать. Не из-за хлеба: хлеб дома оставался, она видела утром половину буханки. Из-за того, что Вера снова не предупредила.

Она уже сделала шаг к очереди, когда рядом тихо затормозила чёрная «эмка».

Машина стояла у тротуара так, что её сразу заметили. Не нарочно, подумала Вера, но и не слишком осторожно. В праздничный вечер редкие служебные автомобили выделялись сильнее обычного. На переднем сиденье сидел водитель в фуражке, рядом — молодой сержант с папкой на коленях.

Задняя дверца открылась.

Сержант вышел и подошёл к Вере.

— Товарищ лейтенант Соколова?

— Да.

— Вас вызывает майор Левин. Немедленно.

Вера не села в машину.

— Куда?

Сержант моргнул.

— На Лубянку.

— По какому делу?

— Мне не сообщили, товарищ лейтенант.

— Кто передал распоряжение?

— Дежурный по управлению. Сказал найти вас быстро.

— Где нашли?

— Нам дали маршрут.

Это было уже точнее, чем она ожидала. Значит, её отслеживали не случайно. Или знали, где закончится встреча с Грозовым. Вера посмотрела на служебный номер машины, на папку в руках сержанта, на водителя. Тот не смотрел на неё, но пальцы его так крепко лежали на руле, что костяшки побелели.

— Майор Левин сказал, по какому вопросу? — спросила она.

— Нет.

— Он на месте?

— Да.

— Кто ещё на месте?

Сержант открыл было рот, но водитель сказал из машины:

— Товарищ лейтенант, велено без задержки.

Голос у него был обычный, усталый. Не приказной. Он не пытался изображать тайну, просто хотел выполнить поручение и закончить его.

Вера ещё раз посмотрела на очередь у булочной. Женщина впереди переступала с ноги на ногу, пряча лицо в меховом воротнике. Хлеб лежал за стеклом тёплыми тёмными буханками. Вера почувствовала нелепое раздражение: вечер у неё забирали не каким-то громким происшествием, не срочной операцией, а чужой неопределённостью.

— Это приказ или просьба? — спросила она.

Сержант выпрямился.

— Приказ.

— Тогда говорите сразу.

Она села на заднее сиденье. Сержант устроился рядом, захлопнул дверцу. Машина тронулась.

Внутри пахло сырым сукном, кожей и бензином. На полу валялся сложенный брезентовый плащ, на сиденье лежала газета с размокшим краем. Вера сняла перчатку, достала из кармана блокнот и записала: «Грозов. Ключ. Сентябрь. Кладовщик». Рука чуть дрогнула на последнем слове от толчка.

— Вам плохо? — спросил сержант.

— Нет.

— Лицо бледное.

— В машине темно.

Он смутился и отвернулся к окну.

Вера убрала блокнот. Ей и правда было не по себе. Не от болезни, не от страха — от голода, духоты и запаха бензина. Она закрыла глаза на секунду, потом открыла. Через стекло тянулись улицы, размазанные мокрыми огнями.

— Вы давно у майора Левина? — спросила она.

Сержант насторожился.

— Я не у майора. Я при дежурном.

— Тогда почему вы знаете, что он ждёт именно меня?

— Мне сказали передать.

— Слово в слово.

— «Доставить товарища лейтенанта Соколову немедленно. Майор Левин ждёт». Так и сказали.

— Кто сказал?

— Дежурный.

— Фамилия?

Он помедлил.

— Товарищ лейтенант, я не знаю.

Вера посмотрела на него. Молодой, может, двадцать лет, лицо ещё почти мальчишеское, на подбородке след от недавнего бритья. Он не лгал умело. Скорее всего, и правда не знал или решил, что безопаснее не знать.

— Хорошо, — сказала она. — Не знаете — не надо придумывать.

Сержант кивнул, благодарно и неловко.

Машина свернула в переулочек, где движение было перекрыто. Поперёк улицы стоял военный грузовик, борта закрыты брезентом. У грузовика дежурили двое солдат с винтовками. Возле арки соседнего дома милиционер отгонял любопытных.

— Проезд закрыт, граждане. Обходите по другой стороне.

— А что случилось? — кричала женщина в клетчатом платке.

— Технические работы.

— Какие работы вечером?

— Гражданка, отойдите от ленты.

Двое мужчин спорили, один говорил, что там пожар, другой — что кого-то зарезали. Из подъезда вышел врач в белом халате под тёмным пальто. Лицо его было закрыто марлевой повязкой. Он быстро сел в санитарную машину, стоявшую в глубине переулка, и та тронулась без sireны.

Вера повернула голову, пока машина не миновала перекрёсток.

— Что там? — спросила она.

Водитель ответил не сразу.

— Не знаю, товарищ лейтенант.

— Вы ехали отсюда?

— Нет.

— Тогда почему остановились?

— Проезд перекрыт.

Это было правдой. Он не обязан был знать остальное. Вера почувствовала досаду на себя: она цеплялась к человеку, который не имел отношения к происходящему. Но неопределённость раздражала её сильнее, чем плохая новость. Плохую новость можно было разложить по фактам. Неопределённость расплзалась везде.

Водитель повернул на другую улицу. На углу стояла группа людей возле киоска с пивом, уже закрытого ставнями. Один мужчина громко кашлял, согнувшись и держась за стену. Его приятель хлопал его по спине и ругался, что тот простудил лёгкие, стоя на ветру. Никто не обращал на них особого внимания.

Громкоговоритель над площадью опять ожил. Теперь из него лилась музыка — усталая, с треском, но бодрая. Пары духового оркестра поднимались над толпой и смешивались с мокрым снегом.

Вера смотрела на город, который по-прежнему жил своим вечерним порядком. Трамваи звенели. У ворот школы женщина поправляла ребёнку шарф. Молодые люди смеялись, пробегая под снегом. В одном окне горела лампа без абажура, и за занавеской мелькали руки — кто-то накрывал на стол.

И всё же служебная машина ехала слишком быстро для мокрой мостовой.

— Медленнее, — сказала Вера водителю, когда колёса занесло на повороте.

Он тут же сбросил скорость.

— Простите.

— Не мне. Столбу.

Сержант кашлянул, пряча улыбку. Водитель коротко выдохнул. Напряжение в машине чуть ослабло, но не исчезло.

К Лубянке они подъехали не с площади, как обычно, а со стороны служебного проезда. Вера сразу заметила это. Машина свернула к неприметным воротам, где стояли двое часовых. Одного она знала в лицо, второй был незнаком. В обычные дни здесь хватало одного поста, а ворота открывали после беглой проверки.

Сегодня водитель остановился раньше. Часовой подошёл, заглянул в салон, потребовал документы у всех троих.

Вера достала удостоверение. Часовой взял его осторожно, обеими руками, проверил фотографию, фамилию, печать, снова посмотрел на неё. Слишком тщательно. Не потому что не доверял ей лично — он выполнял новый порядок, которого утром ещё не было.

— В чём дело? — спросила Вера.

— Усиленный режим, товарищ лейтенант.

— По чьему распоряжению?

— Мне не сообщили.

Она едва не усмехнулась. В этот вечер фраза становилась заразной.

Часовой вернул удостоверение. Ворота медленно раскрылись. Машина въехала во двор.

Здание казалось темнее, чем обычно. Окна на верхних этажах горели редкими жёлтыми прямоугольниками. Во дворе стояли две машины: грузовая, с закрытым кузовом, и санитарная. Санитарная была без красного креста. У её задней двери двое мужчин в резиновых фартуках переговаривались вполголоса. Один держал металлический ящик, накрытый брезентом. На брезенте темнело мокрое пятно, то ли от снега, то ли от чего-то ещё.

Водитель остановился у бокового входа.

— Прибыли, товарищ лейтенант.

Вера не торопилась выходить. Она посмотрела на сержанта.

— Вы идёте со мной?

— Нет. Мне сказали доставить.

— Тогда свободны.

Он кивнул, но остался сидеть, пока она открывала дверцу. Видимо, ждал, что она скажет что-нибудь ещё. Не сказала.

Во дворе снег падал почти вертикально. Под подошвами хлюпала чёрная вода. Вера поднялась по коротким ступеням, и дежурный у двери сразу преградил ей путь рукой.

— Документы.

— Их уже проверяли.

— Здесь тоже.

Она предъявила удостоверение. Дежурный был незнакомый, худой, с серым лицом и воспалёнными веками. Он долго сверял фотографию, потом переписал что-то в журнал. Его ручка царапала бумагу с таким нажимом, что лист продавился.

— Майор Левин ждёт, — сказала Вера.

— Подождёте минуту.

— Он ждёт меня немедленно.

— Распорядок общий для всех.

Он сказал это без грубости, но слишком быстро. Вера смотрела, как он листает журнал. На столе возле него лежали свёрнутые марлевые повязки, флакон с тёмной жидкостью, стопка резиновых перчаток. В обычной дежурной комнате ничего подобного не было.

Из коридора вышли двое санитаров. Между ними на носилках лежал человек, накрытый брезентом до подбородка. Видно было только щёку, бледную и серую, и закрытый глаз. Носилки пронесли быстро, но один из санитаров задел стену, брезент съехал на ладонь. Рука была забинтована от кисти до локтя. На бинте проступали тёмные пятна.

Вера проводила носилки взглядом.

— Кто это?

Дежурный наконец поднял голову.

— Служебное происшествие.

— Какого рода?

— Не ко мне вопрос.

— К кому?

— К майору Левину.

Он вернул ей удостоверение и нажал кнопку звонка. Из боковой двери вышел молодой сотрудник в форме внутренних войск, кивнул Вере.

— Проводите, — сказал дежурный.

— Я знаю дорогу.

— Порядок, товарищ лейтенант.

Вера сунула удостоверение в карман. Спорить из-за сопровождающего не имело смысла. Если распоряжение распространили на своих, значит, либо случилось что-то неприятное, либо начальство решило показать усердие. В здании бывали оба варианта. Но запах, ударивший в нос за второй дверью, не вязался с обычной суетой.

Хлорка.

Её было столько, что першило в горле. Под этим запахом пряталось другое: кислое, металлическое, тяжёлое. Вера ощутила его только на мгновение, потом хлорка всё забила.

Коридор выглядел знакомо и чуждо. Лампы под потолком горели ярче обычного. По стенам тянулись мокрые полосы, будто их недавно мыли. В дальнем конце стоял солдат с винтовкой. Рядом была закрыта металлическая дверь, ведущая к нижнему сектору. Обычно она оставалась приоткрытой: туда спускали бумаги, водили задержанных, носили чай дежурным. Сегодня на двери висел массивный засов, а у стены стояли два ведра, тряпки и ящик с бутылками.

— Карантинная мера, — сказала Вера, больше проверяя догадку, чем спрашивая.

Сопровождающий ответил:

— Не могу знать.

— Слово вы уже знаете.

Он посмотрел на неё с недоумением.

— Что?

— Ничего.

Они прошли дальше. Вера видела знакомые двери, таблички, тёмные квадраты телефонов на стенах. Где-то печатала машинка. За одной из дверей кто-то говорил по телефону резким шёпотом: «Нет, я сказал, никого не пускать. Никого. Передайте дословно». В другом кабинете плакал ребёнок — тонко, устало. Вера остановилась бы, но звук оборвался, и сопровождающий уже сделал несколько шагов вперёд.

Она догнала его.

— Ребёнок здесь откуда?

— Не знаю.

— Вы много чего не знаете.

Он покраснел.

— Товарищ лейтенант, мне приказано проводить вас.

— Выполняйте.

На следующем повороте им навстречу вышел капитан из следственного отдела. Вера знала его по фамилии и по привычке всегда ходить без шапки, даже зимой. Сейчас шапка была на нём, а поверх формы — белый халат, застёгнутый криво. В правой руке он держал резиновые перчатки, вывернутые наизнанку. На манжете рубашки под халатом темнела кровь.

Капитан увидел Веру, задержался на долю секунды и хотел пройти мимо.

— Товарищ капитан, — окликнула она.

Он обернулся.

— Соколова.

— Что произошло?

— У майора спросите.

— Это я уже слышала.

— Значит, сегодня день повторений.

Голос у него был глухой, раздражённый. Он не смотрел ей в лицо, а смотрел куда-то в сторону двери нижнего сектора.

— Вам нужна помощь? — спросила Вера.

Капитан сжал перчатки.

— Мне нужен умывальник. И чтобы люди перестали лезть не в своё дело.

— Кровь на манжете ваша?

Он резко поднял глаза. В них было не раздражение, а усталый испуг, который он тут же попытался спрятать.

— Идите к Левину, товарищ лейтенант.

Он ушёл быстро, почти бегом. На полу за ним остались влажные следы.

Вера смотрела ему вслед, пока сопровождающий не сказал:

— Нам сюда.

Она пошла.

Внутренне она уже перебирала возможные объяснения. Несчастный случай при конвоировании. Драка. Попытка побега. Работа с каким-нибудь опасным веществом, которую скрывали от большинства сотрудников. В здании не любили объяснять лишнее, особенно младшим по званию. Это не было новостью. Но санитарные носилки, хлорка, солдаты у нижнего сектора, кровь на манжете капитана — всё это складывалось в картину, где деталей не хватало намеренно.

Она не любила, когда от неё что-то скрывали. Не из самолюбия. Скрытая деталь иногда убивала точнее пули: человек принимал решение, не зная, чего именно должен опасаться.

Коридор перед кабинетом Левина был почти пуст. За столом секретаря горела настольная лампа. Секретарь, худой мужчина лет пятидесяти с бескровным лицом, перебирал бумаги и не поднимал глаз. На столе лежал телефон, рядом — открытая папка, в которой Вера успела заметить чистый лист с несколькими строчками, перечёркнутыми красным карандашом.

Сопровождающий остановился.

— Товарищ лейтенант Соколова доставлена.

Секретарь кивнул так, будто уже отметил это в уме.

— Подождите.

— Майор на месте? — спросила Вера.

— Да.

— Он свободен?

— Как только сможет.

Вера взглянула на закрытую дверь кабинета. Никаких звуков изнутри не было. Ручка блестела под лампой. На ковровой дорожке у двери виднелись следы мокрых подошв, чужих и частых.

— Сколько ждать?

— Не знаю.

— Это тоже карантинная мера?

Секретарь медленно поднял на неё глаза. Вера ожидала раздражения, но увидела только измождение. Он выглядел так, словно не спал несколько суток, хотя рабочий день только начинался заново для тех, кому не полагался праздник.

— Товарищ лейтенант, — сказал он тихо. — Лучше сейчас не задавайте вопросов в коридоре.

— Почему?

Он не ответил.

Из глубины здания донёсся звук. Неясный сначала: тяжёлый удар, короткий вскрик, лязг металла. Где-то внизу хлопнула дверь. Вера повернула голову к лестнице, ведущей в подвальный сектор.

Запах хлорки здесь ощущался сильнее. Он щипал ноздри и перебивал даже табак, которым пропиталась её одежда после конторы. Секретарь снова склонился над бумагами, но пальцы у него лежали на листе неподвижно.

Вера подумала о санитарной машине во дворе. О забинтованной руке на носилках. О капитане, который испугался простого вопроса. О том, что Левин вызвал её так срочно, хотя в её текущем деле не было ничего, что требовало бы его вмешательства.

Она подошла ближе к двери кабинета и остановилась.

Из нижнего коридора донёсся выстрел — глухой, короткий, слишком близкий для праздничного вечера.

Секретарь не поднял глаз от бумаг.

— Майор Левин ждёт вас, товарищ лейтенант.

Глава 2

Выстрел снизу был глухим, сдавленным толщей перекрытий, но в коридоре его слышали все.

Секретарь майора Левина, худой человек с серым лицом и слишком аккуратным пробормом, не поднял головы от стола. Только пальцы у него дрогнули на краю папки. Он переложил верхний лист, потом второй, потом вернул их обратно, выравнивая углы с такой тщательностью, что Вера сразу поняла: он слышал.

Дежурный, проводивший её до приёмной, резко повернул голову к лестнице. Дальше, за поворотом, хлопнула дверь. Послышались быстрые шаги — не строевые, не деловые: несколько человек шли почти бегом, стараясь не шуметь.

По коридору пронесли металлический ящик с красным крестом на боку. За ним прошёл санитар в резиновых перчатках до локтей. На перчатках темнели бурые пятна. Он держал руки перед собой, не касаясь стен и дверных ручек.

Запах хлорки здесь был гуще, чем у входа. Вера почувствовала также порох — слабый, едкий, свежий. Под подошвами хлопнула ковровая дорожка. Она посмотрела вниз.

По красному ворсу тянулась влажная полоса, уже разбавленная белесым раствором. У стены кто-то на коленях вытирал её тряпкой, не поднимая глаз. Чуть дальше виднелись две тёмные капли, которые не успели стереть.

— Что произошло? — спросила Вера.

Дежурный не посмотрел на неё.

— Служебное происшествие.

— Внизу стреляли.

— К майору.

— Я спросила, что произошло.

Он наконец повернулся. Молодой, с красными от недосыпа глазами, он держал ладонь возле кобуры, хотя в коридоре не было никого, кроме сотрудников.

— Лейтенант, вас ждут.

Это не было ответом. Вера отметила про себя, что слово «происшествие» он произнёс так, как произносят «пожар» в здании, где запрещено упоминать огонь.

Из-за поворота показались носилки. Их несли двое санитаров в белых халатах поверх серых шинелей. Носилки были накрыты плотным армейским брезентом, туго подвернутым по бокам. Под тканью обозначалась человеческая фигура, неподвижная и слишком узкая в плечах. На брезенте, возле края, темнело пятно, которое хлорка не успела выбелить.

Вера машинально отступила к стене, пропуская их.

Один из санитаров был в противогазной маске, хотя фильтр висел на груди, а лицо оставалось открытым. Второй дышал ртом. У него на щеке белела косая полоска пластыря.

— Осторожнее на лестнице, — сказал кто-то из-за спин.

— Вниз не пускать никого, — отозвался другой голос. — И телефоны в секторе отключить.

— Карантинная мера, — быстро произнёс дежурный, будто оправдывался перед ней. — Проход закрыт.

Вера взглянула на него.

— Карантинная?

Он сжал губы.

— Вам объяснит майор.

Карантин на Лубянке не вводили из-за простуды. И не таскали носилки под брезентом после простуды. Вера хотела спросить ещё, но дверь кабинета Левина открылась.

На пороге показался секретарь. Теперь его лицо было ещё бледнее.

— Лейтенант Соколова, проходите.

Вера вошла.

Кабинет Левина выглядел почти так же, как всегда. Именно это и насторожило её сильнее всего. Тяжёлый письменный стол, зелёная лампа, телефон с чёрной трубкой, два металлических шкафа у стены, строгая карта Москвы под стеклом. На подоконнике, между плотными шторами, было приоткрыто окно. Из щели тянуло холодом и мокрым снегом, но в комнате всё равно стоял запах табака, чернил и дезинфицирующего раствора.

На столе лежали раскрытые папки. В пепельнице дымилась папироса, давно оставленная без внимания. Рядом стоял стакан с чаем; на поверхности плавала тонкая коричневая плёнка.

Левин сидел не за столом, а на краю тумбы у окна. Воротник его рубашки был расстёгнут, галстук ослаблен. Щетина на щеках делала лицо старше. На левой манжете, возле запонки, темнела маленькая точка — кровь или чернила. Он держал в руке сложенный носовой платок и смотрел на неё так внимательно, что Вера остановилась у двери.

— Закройте, пожалуйста, — сказал он.

Она закрыла. Холодная латунная ручка задержалась в пальцах.

— Садитесь.

— Что случилось?

— Сначала ответьте на несколько вопросов.

— Я пришла по срочному вызову, майор.

— Я знаю. Ответьте.

Голос у него был ровный, почти бесцветный. Он говорил так, когда уже принял решение и не хотел, чтобы собеседник заметил, каких усилий ему стоит держаться за него.

Вера села на край стула, не снимая мокрого пальца.

— Сегодня вы контактировали с иностранцами?

— Нет.

— С задержанными?

— Нет.

— С людьми, прибывшими из-за границы, с курьерами, с представителями посольств?

— Нет.

— Травмы были?

Она чуть нахмурилась.

— Какие?

— Любые. Порезы, царапины, проколы. Кровь.

— Нет.

— Покажите руки.

Вера медленно сняла перчатки. На пальцах остались следы холода, на правой ладони — сухая чернильная полоска, которую она заметила ещё утром, когда заполняла акт. Она положила руки на стол ладонями вниз.

Левин наклонился, не прикасаясь к ней. Его взгляд задержался на костяшках пальцев, на тонкой коже возле ногтей, на запястьях.

— Переверните.

Она перевернула ладони.

— Это обязательно?

— Да.

— Вы меня вызвали, чтобы выяснить, умею ли я не трогать чужую кровь?

— Я вызвал вас, потому что хочу знать, в безопасности ли вы.

— Это звучит не как ответ.

— Потому что это пока не ответ.

Он выпрямился. Вера надела перчатки обратно, не спеша, одну за другой. Внутри поднималось раздражение, сухое и холодное. Не потому, что Левин задавал вопросы. В их работе вопросы были привычнее приветствий. Но он не объяснял, почему задаёт именно эти.

— В нижний сектор вы не заходили? — спросил он.

— Нет.

— Носилки, перчатки, документы в коридоре не трогали?

— Нет.

— Уверены?

— Майор, я умею стоять у стены без инструктажа.

На миг его лицо изменилось. Не улыбка, даже не тень её — короткое ослабление напряжения у глаз. Он опустил взгляд на папку.

— Хорошо, — сказал он. — Это хорошо.

Вера заметила это облегчение и сразу перестала злиться. Не потому, что простила его уклончивость. Потому что Левин не был человеком, который облегчённо выдыхает из-за мелочей. Он не показывал облегчения вообще.

— Кто там был? — спросила она.

— Задержанный.

— Немец?

Левин поднял глаза.

— Почему вы решили, что немец?

— Внизу санитар в противогазной маске, в коридоре карантин, а вы спрашиваете, с кем я разговаривала. В обычном деле это не складывается. В необычном — тоже пока не складывается. Немцы в последнее время у нас редко падают с потолка.

— В Москву доставили человека с документами немецкого происхождения.

— «Человека с документами»?

— Личность устанавливается.

— Он ранен?

— Он был болен.

Вера молчала, ожидая продолжения.

Левин отошёл к столу, затушил папиросу и тут же закурил другую. Пальцы у него были чистыми, но под ногтем большого пальца виднелась белая полоска засохшего раствора.

— Есть основания считать, что у него была инфекция, — сказал он. — Неизвестная нам инфекция. Возможно, связанная с немецкими военными исследованиями.

— Возможно?

— Пока именно так.

— Он заразил кого-то?

— Несколько сотрудников могли контактировать с его кровью.

— Могли?

— Вера Андреевна, не заставляйте меня повторять формулировки, которые я и без того считаю недостаточными.

Она посмотрела на него внимательнее. Обычно Левин не позволял себе раздражения в разговоре с подчинёнными. Если он говорил резко, значит, дело шло хуже, чем он готов был признать.

— Что произошло с человеком внизу?

Он сел за стол, раскрыл папку, но не посмотрел в неё.

— Состояние задержанного резко ухудшилось. Он стал опасен для окружающих.

— Что значит «опасен»?

— Он напал на конвоира.

— С оружием?

— Нет.

— Тогда почему я слышала выстрел?

Левин снял очки, протёр стекло платком и надел снова.

— Потому что другого способа остановить его не было.

В кабинете прошёл короткий сквозняк. Лист на верхней папке приподнялся и лег обратно. За стеной зазвонил телефон. Один раз, второй, третий. Секретарь снял трубку в приёмной и заговорил тихо, почти шёпотом.

Вера вспомнила носилки под брезентом, белую полоску пластыря на лице санитаря, мокрую дорожку. Вопросы Левина о порезах и крови.

— Это передаётся через кровь? — спросила она.

Он ответил не сразу.

— Существует такая вероятность.

— Не воздушно?

— По имеющимся данным — нет. Воздух не является основным путём передачи. Опасность представляют глубокие укусы, кровь, попавшая в открытую рану, слюна на слизистые. Любой контакт с заражённым биологическим материалом.

— По имеющимся данным, — повторила Вера.

— Да.

— А если данных недостаточно?

— Тогда мы исходим из худшего разумного варианта. Но не из фантазий.

— И какой разумный вариант у вас сейчас?

Левин посмотрел на открытую форточку.

— Изоляция. Наблюдение за контактными. Поиск источника. Проверка маршрута, по которому этот человек прибыл в город.

— И мой вызов относится к последнему пункту?

Он перевёл взгляд на неё.

— Отчасти.

— Говорите прямо.

— У задержанного были документы, которые могут иметь отношение к вашему сегодняшнему делу.

Это было уже похоже на ответ, но только снаружи. Вера почувствовала, как в памяти поднялись утренние бумаги: пропавшие бланки накладных, складской журнал, небрежные подписи, слишком чистая печать на старом листе. Мелочь, которую начальство хотело закрыть к вечеру, потому что дело не тянуло ни на хищение, ни на диверсию. Несколько бланков исчезли из ведомственного архива. Потом один всплыл на товарной станции — с номером, не соответствовавшим серии.

— Каким образом? — спросила она.

Левин выдвинул ящик стола и достал тонкий картонный конверт без пометок. Положил перед ней.

— Посмотрите.

Внутри лежали четыре листа. Копия протокола задержания, фотография мужчины в полупрофиль, немецкая накладная, машинописный список железнодорожных маршрутов. Бумага была тонкой, с желтоватым оттенком. Вера взяла листы за уголки.

На фотографии мужчина выглядел лет на тридцать пять или сорок. Узкое лицо, впалые щёки, светлые волосы, прилизанные к вискам. Он смотрел мимо объектива, и это не придавало снимку таинственности — только усталости. На левой скуле темнел старый шрам. Под фотографией стояла фамилия, напечатанная с ошибкой в одной букве.

— Это он? — спросила она.

— Да.

— Он жив?

Левин едва заметно качнул головой.

Вера положила фотографию обратно. Никаких слов сожаления от неё не требовалось. Люди в этой работе редко умирали так, чтобы окружающие могли позволить себе простое сожаление. Но брезент на носилках вновь встал перед глазами.

Накладная была заполнена по-немецки. Она знала язык не настолько свободно, чтобы читать быстро, но отдельные слова различала. Наименование груза, станция отправления, номера ящиков, маршрут. Внизу стояли две печати: одна круглая, выцветшая, другая — прямоугольная, с плохо пропечатанным орлом, в котором уже невозможно было различить герб.

— Где вы это взяли? — спросила она.

— При задержании.

— Кто задерживал?

— Другая группа.

— На какой станции?

— Это пока служебная информация.

Вера подняла на него глаза.

— Значит, меня всё-таки вызвали не для проверки моих рук.

— Не только для неё.

Она пробежала взглядом список маршрутов. Москва-Товарная, Мытищи, Сокольники, Курская сортировочная, ветка к складам Наркомснаба. Напротив некоторых строк стояли карандашные отметки. Две были перечёркнуты.

— Сокольники, — сказала она.

— Что?

— Сегодня утром в деле были бланки, связанные с грузовыми отправлениями из Сокольников. Не тот же маршрут. Но серия в ведомостях шла через ту же товарную контору.

Левин наклонился вперёд.

— Номера помните?

— Не все. Последние две цифры у одной накладной — сорок семь. У другой — пятьдесят один. Печать была смазана. Я решила, что это след сырости.

— Вы оставили копии?

— В архивной папке. И черновые выписки у меня в портфеле.

— Портфель с вами?

— В приёмной.

— Принесите потом. Не сейчас.

— Почему не сейчас?

— Потому что я сначала должен понять, какие бумаги мог видеть задержанный.

— Он работал с накладными?

— Возможно, пользовался ими.

— Для чего?

— Чтобы перемещаться и перемещать то, что не должно было попасть в Москву.

Вера снова посмотрела на немецкий лист. В графе с грузом стояла аббревиатура, написанная от руки тёмными чернилами. Две буквы были зачёркнуты, третья вписана сверху. Рядом — штамп, похожий на те, которые она видела утром, но не такой же. Печать была слишком свежей. Бумага старой. Это несоответствие она заметила сразу.

— Печать поддельная, — сказала она.

— Почему?

— Краска не въелась. Лист лежал где-то долго, края сухие, бумага ломкая. А оттиск свежий. Его ставили недавно.

— Можете установить, где изготовили?

— Не по копии. Нужен оригинал и образцы.
— Оригинал пока не дадут.
— Тогда я могу сравнить шрифт, форму букв, номера серий, порядок заполнения. Проверить, кто имел доступ к утраченным бланкам. Это займёт время.

— До утра.

Вера подняла брови.

— До утра я могу составить предварительную справку. Полную проверку — нет.

— Предварительную. Только мне.

— Кому передавать, если вас не будет?

— Никому.

— Майор, это не порядок.

— Сегодня порядок не помогает.

Фраза прозвучала тихо. Левин тут же опустил глаза, будто хотел забрать её назад. Но Вера услышала. За все годы службы она видела людей, уверенных в порядке, как в несущей стене. Их можно было бояться, ненавидеть, уважать, но понять было легко. Левин принадлежал к ним. Он всегда знал, куда следует направить бумагу, кого вызвать, какую формулировку оставить в протоколе. Сейчас он сказал, что порядок не помогает.

Это беспокоило сильнее, чем выстрел.

— Как называется инфекция? — спросила она.

Левин медленно закрыл папку перед собой.

— В немецких бумагах встречается слово *Nachtrot*.

Вера повторила его про себя, стараясь не исказить произношение.

— *Nachtrot*.

— «Ночная смерть», — перевёл он.

— Красиво для лихорадки.

— Это не лихорадка.

— Тогда что?

— Я не знаю.

— Совсем?

— Я знаю, что заражённый человек сначала может выглядеть измождённым, дезориентированным, лихорадочным. Потом возникают судороги, спутанность речи, приступы агрессии. Нарушается память. Он перестаёт узнавать людей, может перестать понимать, где находится. Это не делает его мёртвым, Вера Андреевна. Это делает его тяжело больным и опасным.

Он произнёс последние слова особенно отчётливо, как выдержку из инструкции, которой ещё не существовало.

— Кто это установил? — спросила она.

— Врачи.

— Наши?

— И не только.

— Где документы?

— В работе.

— У вас на столе?

— Нет.

Она посмотрела на папки. Левин не шелохнулся.

— Задержанный что-то говорил перед смертью?

Вопрос вышел сам. Вера не знала, почему задала его. Может быть, потому что такая история не складывалась без слов, которые потом приходится разбирать по частям. Может быть, потому что в её работе человек с поддельными документами и немецкой накладной не превращался в угрозу без причины.

Левин взял папиросу, но не закурил.

— Он говорил много бессмысленного.

— Что именно?

— Обрывки немецких слов. Фамилии. Названия.

— Какие названия?

— Это сейчас не имеет отношения к вашему заданию.

— Вы не похожи на человека, который вызывает меня ночью из-за бессмысленного.

Он посмотрел на неё долго, без раздражения. Лицо у него оставалось спокойным. Только рука с папиросой застыла над пепельницей.

— Послушайте, — сказал он. — Я не буду вам лгать. Я не рассказываю всего. Но не потому, что считаю вас неспособной понять. И не потому, что хочу использовать вас вслепую. Есть сведения, которые пока нельзя проверить. Если я передам их вам сейчас, вы начнёте строить версии. А версии в таких делах иногда убивают быстрее фактов.

— Удобная формулировка.

— Не спорю.

— И всё же вы хотите, чтобы я работала.

— Я хочу, чтобы вы сравнили документы. Нашли связь, если она есть. И ничего больше.

— А если связь есть?

— Позвоните мне.

— Ночью?

— В любое время.

— А если вы не возьмёте трубку?

— Позвоните секретарю и скажите: «по сорок седьмой серии». Он поймёт.

Вера запомнила. Это было странно: секретарь, который дрожал над бумагами в приёмной, теперь становился частью какого-то условного порядка. Она не спросила, почему именно сорок седьмая серия. Вопросов и без того становилось слишком много.

— Вы хотите, чтобы я поехала в архив сейчас? — уточнила она.

— Нет.

— В управление к станции?

— Нет.

— Тогда что именно я должна сделать до утра?

Левин достал из папки один лист, чистый с обратной стороны, и подвинул к ней.

— Дома, по своим выпискам, восстановите номера пропавших бланков. Отдельно — фамилии тех, кто имел доступ к шкафу. Сравните с этим списком маршрутов. Если найдёте совпадение по серии, по станции, по печати — отмечайте. Никуда не ездите. Никому не звоните, кроме меня.

— Даже если увижу прямую связь?

— Особенно тогда.

— Это приказ?

— Да.

Вера кивнула. Приказ был яснее просьбы, даже если оставался раздражающим.

Она собрала листы в конверт, но Левин положил ладонь сверху.

— Фотографию оставьте.

— Почему?

— Она не нужна для проверки.

— Зато она может понадобиться, если я увижу его фамилию в старых бумагах.

— Не понадобится.

Вера задержала пальцы на краю снимка. Потом убрала руку.

— Хорошо.

Левин спрятал фотографию в ящик и повернул ключ. Вера отметила движение. Не из подозрительности — привычка. В их службе человек, закрывающий бумагу на ключ во время разговора, всегда сообщает больше, чем ему кажется.

— Ещё одно, — сказал Левин.

Он поднялся, обошёл стол и подошёл к шкафу. Там, за стопкой служебных бланков, лежал плотный конверт из серой бумаги, заклеенный красной полосой. На нём не было ни адреса, ни грифа, только номер, написанный от руки чёрными чернилами.

Левин держал его секунду, прежде чем протянуть ей.

— Возьмите.

Вера не сразу взяла конверт.

— Что это?

— Закрытое распоряжение.

— По делу?

— Отчасти.

— Очень содержательно.

— Откроете после выхода из здания.

— Почему не здесь?

— Потому что здесь вы начнёте спорить.

— А на улице, по-вашему, не начну?

— На улице вы хотя бы пойдёте домой.

Она взяла конверт. Бумага была тёплой от его пальцев. Печать на клапане стояла ровно, слишком свежо блестя красным воском.

— Что за распоряжение? — спросила она.

— Возможные ограничительные меры в городе.

— Какие?

— Санитарные кордоны. Проверки на транспорте. Временное закрытие отдельных районов. Ограничение выезда.

— Из-за одного задержанного?

— Из-за того, что мы не знаем, был ли он один.

— А если был?

— Тогда это окажется излишней предосторожностью.

— Вы в это верите?

Левин не ответил.

Вера сунула конверт во внутренний карман пальто. Он лёг плоско и тяжело, как тонкая металлическая пластина.

— Сегодня домой идите сразу, — сказал Левин.

Она взглянула на часы. Вечер давно перевалил за тот час, когда можно было успеть к матери с нормальным хлебом из булочной. В желудке неприятно свело от голода. Запах хлорки, табака и застоявшегося чая вдруг стал слишком плотным. Вера подавила подступившую тошноту и решила, что это от духоты.

— Я и собиралась домой, — сказала она.

— Не задерживайтесь по дороге.

— У меня нет привычки гулять по городу после срочного вызова.

— Не заходите в магазины. Не пользуйтесь телефонными будками без необходимости.

Если вам позвонят с неизвестного номера, не сообщайте адрес.

Теперь она выпрямилась.

— Почему?

— Потому что в городе может начаться путаница.

— В городе всегда есть путаница. Это не повод скрывать адрес.

— Сделайте, как я сказал.

— Это тоже приказ?

— Да.

— На каком основании?

Он посмотрел на конверт в её кармане.

— Основание там.

— Там, вероятно, будет список вещей и пункт сбора. Я спрашиваю о причине.

Левин провёл ладонью по лицу. На секунду в нём проступила такая усталость, что Вера почти пожалела о нажиме. Почти.

— Причина в том, что у нас есть заражённый человек, неизвестный маршрут его прибытия и документы, которые могли использоваться в Москве. Этого достаточно, чтобы вы были осторожны.

— Вы же сами сказали: инфекция не передаётся по воздуху.

— Я сказал, что по имеющимся данным воздух не является основным путём передачи.

— Значит, дело не только в инфекции.

Он помолчал.

— Сейчас важнее другое.

— Для вас, возможно. Для меня важно понимать, почему мне велят не отвечать на телефонные звонки.

— Потому что я прошу вас поберечь себя.

— Это не объяснение.

— Нет.

Вера почувствовала, как раздражение снова возвращается, теперь уже без холода. Не громкое, не показное. Ей не хотелось повышать голос. Ей хотелось, чтобы Левин перестал смотреть на неё так, будто она стояла у края чего-то, чего не видела.

— Вы говорите со мной как с гражданской, — сказала она.

— Я говорю с вами как с человеком, за которого отвечаю.

— По службе?

Он задержал взгляд.

— По службе тоже.

Последнее слово прозвучало лишним. Левин понял это раньше неё. Он отвернулся к окну и прикрыл форточку. За стеклом на чёрном фоне медленно летел мокрый снег.

— Мать не оставляйте одну, — сказал он.

Вера молчала.

— Что вы сказали?

Он повернулся.

— Сегодня ночью и ближайшие дни. Не оставляйте её одну.

— Почему именно мать?

— Потому что она ваша семья.

— У половины управления есть семьи.

— Я знаю.

— Это не ответ, майор.

— Другого у меня сейчас нет.

Она смотрела на него, пытаясь понять, что именно изменилось. Не в нём вообще — в их разговоре. Левин не был человеком, склонным к семейным наставлениям. Он мог спросить, есть ли у сотрудника родственники в районе проверки. Мог распорядиться обеспечить пропуск, если начиналось оцепление. Но никогда не говорил: не оставляйте мать одну. Тем более таким голосом.

— Вы знаете что-то о ней? — спросила Вера.

— Нет.

Ответ был слишком быстрым. Не ложь в чистом виде, скорее дверь, закрытая перед лицом.

— Её кто-то искал?

— Нет.

— Её адрес есть в ваших материалах?

— Нет.

— Тогда почему вы вписали её в распоряжение?

Левин медленно вдохнул. Не глубоко, не заметно, но Вера увидела.

— Откройте конверт после выхода, — сказал он. — Идите домой.

— Я не закончила разговор.

— Я тоже.

— Тогда закончите.

Он подошёл к столу, взял телефонную трубку и положил рядом, не набирая номера.

— Я не могу.

— Не можете или не хотите?

— В данный момент это одно и то же.

Вера поднялась. Она не хлопнула ладонью по столу, не бросила конверт, не сказала ничего, что потом пришлось бы объяснять в рапорте. Но стул сдвинулся по полу громче, чем следовало.

— Хорошо, — сказала она. — Я выполню распоряжение. Проверю бумаги. Позвоню вам при совпадении. Но если выяснится, что вы использовали меня в деле, о котором не считаете нужным сообщить даже необходимое, я задам вопросы уже не как подчинённая.

— Это ваше право.

— Нет. Это моя работа.

— Да, — ответил Левин. — Именно поэтому я вас и вызвал.

Она взялась за дверную ручку.

— Лейтенант, — остановил он.

Вера обернулась.

Левин стоял у стола. Свет лампы резал его лицо пополам: одна щека была жёлтой от электричества, другая уходила в тень. Манжета с тёмной точкой виднелась из-под рукава пиджака.

— Если по дороге домой увидите оцепление, санитарный пост или незнакомых людей у дома, не подходите. Найдите ближайший служебный телефон. Назовите свою фамилию и попросите соединить со мной.

— Вы ожидаете санитарный пост у моего дома?

— Нет.

— Незнакомых людей?

— Нет.

— Тогда зачем говорить?

— Потому что я не хочу, чтобы вы решили, что обязаны разбираться со всем сами.

Вера кивнула. На это у неё не нашлось сухого ответа.

Она вышла в приёмную.

Секретарь сидел неподвижно, прижав трубку к уху. Увидев её, он накрыл микрофон ладонью.

— Ваш портфель, лейтенант.

Портфель стоял у ножки его стола. На коже блестели капли растаявшего снега. Вера взяла его, проверила застёжки. Всё было на месте: блокнот, карандаш, утренние выписки, копия акта, кошелек, сложенные перчатки. Она достала блокнот, быстро перелистала до нужной страницы.

Серия бланков. Номера. Фамилия кладовщика. Станция. Её почерк был ровным, но одна строка внизу оказалась размазана мокрым пальцем. Вера не помнила, когда это произошло.

— Товарищ Левин сказал, что мне нельзя никому сообщать о вызове? — спросила она.

Секретарь отвёл глаза от неё, но трубку не опустил.

— Товарищ майор сказал, что вам следует ехать домой.

— Ясно.

— Лейтенант...

Она посмотрела.

Он убрал руку с микрофона.

— Не ходите через главный выход. У служебного быстрее будет.

— Почему?

— Там... меньше людей.

Это прозвучало почти по-человечески. Вера хотела спросить, что он видел или слышал, но телефон у него в руке снова ожил. Он вздрогнул, хотя звонка не было — в трубке просто заговорили громче.

— Понятно, — сказал он кому-то. — Да. Передам.

Вера пошла к лестнице.

Коридор изменился за те двадцать минут, что она провела у Левина. У двери в нижний сектор теперь стояли двое вооружённых сотрудников. Поверх обычных кителей на них были белые халаты, завязанные криво и поспешно. Дверь опечатали двумя полосами бумаги. Красные сургучные капли ещё не застыли до конца.

На стене рядом висел телефон. Его провод был перерезан, концы замотаны изолентой.

Из-за двери донёсся глухой стук. Один раз. Потом второй.

Охранник справа сразу повернул голову.

— Там кто-то есть? — спросила Вера.

— Проходите, лейтенант.

— Я спросила.

— Ведутся работы.

— Какие?

Он посмотрел на второго охранника. Тот ответил вместо него:

— Карантинные.

Слово опять прозвучало неестественно. Оно не принадлежало этому коридору, его коврам, папкам, телефонным аппаратам. Оно относилось к больницам, портам, вагонным депо, баракам на окраине. Здесь ему было тесно.

Вера прошла дальше.

Навстречу двигалась санитарная группа. Трое в халатах, двое с ящиками, женщина в тёмной форме и белой марлевой повязке на лице. Она несла стеклянный контейнер, завернутый в полотенце. Контейнер осторожно качался в её руках. Вера успела увидеть внутри мутную жидкость и длинную тёмную полоску, плавающую у стенки. Женщина тут же прикрыла стекло ладонью.

— Не здесь, — бросил ей мужчина с ящиком.

— Я вижу.

— Тогда быстрее.

Они ушли к служебному крылу.

За открытой дверью одного из кабинетов двое мужчин спорили вполголоса. Один был в медицинском халате, другой — в форме капитана.

— Я не подпишу, пока не будет заключения, — сказал врач.

— Заключение напишете потом.

— Потом у вас будет два трупа и пустой журнал наблюдения.

— Выбирайте выражения.

— Я выбираю перчатки. А вы выбирайте людей, которые туда пойдут.

Вера не стала замедлять шаг. Капитан заметил её, шагнул к двери и захлопнул её перед самым её плечом.

Дальше у лестницы стоял дежурный, тот самый, что приводил её наверх. Он держал в руках лист с машинописным текстом и перечёркивал строки синим карандашом. На полу рядом с ним стояла металлическая урна, заполненная обрывками бумаг.

— Служебный выход? — спросила Вера.

Он указал вниз.

— Через двор и налево.

— Внизу можно пройти?

— По правому коридору.

— А левый?

— Закрыт.

— Карантин?

Он посмотрел на неё устало.

— Да.

— Кто пострадал?

Он покачал головой.

— Не знаю.

Вера не поверила. Но он не выглядел человеком, который способен скрывать многое. Скорее человеком, которому сказали не знать.

Снизу снова донёсся звонок телефона. Не обычный, короткий служебный. Аппарат трезвонил настойчиво, без пауз. Потом второй телефон ответил ему с другого этажа. Почти сразу третий.

Дежурный поднял голову.

— Что-нибудь ещё, лейтенант?

— Нет.

— Тогда идите.

Вера спустилась.

Служебный коридор был уже без ковров. Серый линолеум блестел от воды. У стен стояли ведра с раствором, сложенные в ящики марлевые повязки, рулоны бумаги. В одном углу лежали свёрнутые брезентовые халаты. На полу темнели отпечатки подошв, а поверх них — следы резиновых сапог.

Она дошла до двери во двор и остановилась.

За стеклом, в жёлтом свете лампы, двигались фигуры. Два грузовика стояли у заднего входа. Один был санитарный, с закрытым кузовом. Другой — обычная полупортка, на борту которой белела надпись, замазанная грязью. Водитель курил, отвернувшись от ветра. У ворот дежурили двое с винтовками.

Кто-то сказал за дверью:

— Сокольники перекрывать не будут, пока нет приказа.

Другой голос ответил:

— А товарную ветку?

— Сначала проверят составы.

— Чем проверят? У нас три врача на весь район.

— Мне всё равно, сколько у вас врачей. Мне нужен список.

— Вам нужен список, а у меня люди без перчаток.

Голоса отдалились.

Вера взялась за ручку. Металл был ледяной.

Снаружи ударил мокрый снег и городской шум, настолько привычный, что она на секунду застыла. Трамвай звякнул на повороте. На улице, за оградой, шли люди: кто-то торопился домой, кто-то ещё нёс свёрнутый красный флажок после праздничной демонстрации, двое подростков смеялись, прикрывая головы газетой. Издалека, со стороны площади, доносился марш — медный, бодрый, немного фальшивый от расстояния.

Москва продолжала праздновать.

Вера прошла через двор, показывая пропуск у ворот. Караульный глянул на её удостоверение и на конверт, угол которого виднелся из кармана пальто.

— Вам лучше к трамваю, товарищ лейтенант, — сказал он. — Переулок у главного входа перекрывают.

— Почему?

— Приказ.

— Какой?

— Не знаю.

Он отвернулся к улице.

На тротуаре Вера остановилась под тусклым фонарём. Снег ложился ей на плечи и тут же таял. Рука в перчатке нащупала конверт. Левин велел открыть его после выхода из здания. Формально она уже вышла. Формально — это тоже была часть порядка, которому он сам только что перестал доверять.

Она надломил сургуч.

Внутри оказался один лист, отпечатанный на тонкой серой бумаге, и маленький вкладыш с пропуском. Текст был коротким, без объяснений.

«В случае объявления тревоги сотруднику надлежит незамедлительно явиться на станцию сбора 42. Иметь при себе удостоверение личности, тёплые вещи, аптечку, запас продовольствия на двое суток. Разрешается сопровождение одного близкого родственника».

Ниже, под машинописной строкой, от руки было вписано:

«Сопровождающее лицо: Мария Ильинична Соколова».

Вера перечитала фамилию дважды.

Чернила ещё не успели окончательно потускнеть. Строку написали не в типографии, не в канцелярии недели назад. Её вписали сегодня. Возможно, несколько часов назад. До того, как она вошла в кабинет. До того, как спросила, почему нельзя оставлять мать одну.

Трамвай снова звякнул, открывая двери на остановке. Люди заходили внутрь, стряхивая с шапок снег. Кондуктор махала рукой, торопя отставшего мужчину с портфелем.

Вера сложила распоряжение вчетверо и убрала во внутренний карман. Рядом лежал немецкий конверт с маршрутами, выписками и сериями пропавших бланков.

До дома можно было добраться меньше чем за полчаса.

Она пошла к трамваю быстро, не оглядываясь. Впервые за весь вечер ей показалось, что и получаса может не быть.

Глава 3

Из ворот Лубянки Вера вышла без спешки, хотя приказ ехать домой сразу ещё стоял в ушах сухим, почти раздражённым голосом майора Левина. Она прошла несколько шагов по тротуару, остановилась у чугунной тумбы и поправила перчатку. На самом деле ей нужно было лишь убедиться, что конверт на месте.

Он лежал во внутреннем кармане шинели, плоский, плотный, с печатью в углу. Вера уже проверяла его в машине, потом у лестницы, потом в коридоре перед выходом. Теперь пальцы опять нащупали шероховатый край бумаги.

Глупость.

Она убрала руку и пошла к площади.

Праздничная Москва к ночи размокла и устала. Красные флаги, которые днём тянулись над улицами ровными полотнищами, теперь обвисли, тяжело прилипли к древкам. Мокрый снег летел не сверху, а сбоку, мелкой холодной крупой. На мостовой темнели лужи, в которых дрожали жёлтые окна и редкие огни машин.

Из громкоговорителя у дома напротив ещё доносился марш — не весь, а отдельные медные фразы, будто радиоточка устала раньше музыкантов. У магазина на углу расходилась последняя очередь. Женщина в пуховом платке прижимала к груди буханку, завернутую в газету, и спорила с продавщицей через закрывающуюся дверь. Двое подростков тащили длинную палку с бумажным флажком; флажок размок, надорвался и волочился по снегу.

Вера свернула к остановке.

Трамвай пришёл не тот, который ей был нужен, потом ещё один — пустой почти наполовину, с запотевшими стёклами. Она вошла, сняла перчатку, чтобы достать мелочь, и тут же почувствовала запах мокрой шерсти, табака, железа и старой обивки. От него неприятно повело под ложечкой.

Наверное, с утра ничего толком не ела.

Она села у окна, не прислоняясь к спинке. Напротив старик в шляпе дремал, уронив подбородок на грудь. Молодая женщина в тёмном пальто держала на коленях уснувшего ребёнка и смотрела на его лицо с таким вниманием, будто боялась, что он перестанет дышать. Вера отвела взгляд.

Трамвай дёрнулся, пошёл, заскрежетал на повороте.

На следующей улице движение вдруг остановили. Впереди, у перекрёстка, стоял милиционер в мокрой шинели и разговаривал с водителем санитарной машины. Машина была без sireны, сероватая от снега, с красным крестом на боку. Дверцы её были закрыты. Рядом, под козырьком булочной, толпились несколько человек; никто не кричал, но все смотрели в одну сторону — туда, где переулок перегородили переносным барьером.

Кондукторша высунулась из кабины.

— Чего там?

— Да кто их разберёт, — ответил кто-то с задней площадки. — Драка, говорят.

— Праздник без драки не праздник, — буркнул старик в шляпе, не открывая глаз.

Трамвай простоял минуты три, потом его пустили в обход. Вера смотрела, как переулок исчезает за запотевшим стеклом, и думала не о драке.

«Не оставляйте мать одну».

Слова Левина были сказаны без мягкости. Он не просил, не советовал. Почти приказал — и этим выдал больше, чем хотел. Вера знала этот тон. Им пользовались, когда в распоряжении оставалось что-то, чего нельзя было вписать даже под грифом.

Её злило не то, что Левин распорядился собрать документы и вещи. За последние годы она привыкла к внезапным вызовам, закрытым папкам, ночным поездкам и словам, которые означали ровно половину того, что произносились. Злило другое.

В конверте уже было имя матери.

Мария Ильинична Соколова.

Не «в случае необходимости». Не «сопровождающее лицо по усмотрению». Уже вписана. Уже отмечена. Кто-то заранее решил, что Вера не поедет одна.

Она стиснула пальцы в кармане шинели.

Трамвай звякнул на остановке, и Вера вышла раньше, чем нужно было. Пройти пешком было проще, чем снова сидеть среди людей и слушать, как они кашляют, шепчутся, возятся с мокрыми шарфами.

Во дворах темнели арки. С карнизов падала вода. Дворник в брезентовой накидке сгребал у подъезда серый снег в рыхлую кучу, и лопата скребла по камню размеренно, почти зло. У стены стояли детские санки без верёвки, занесённые мокрой кашей.

Вера подняла воротник и пошла быстрее.

Дом встретил её привычным запахом: капустой, сырым бельём, табаком, хозяйственным мылом. Длинный коридор был освещён одной тусклой лампочкой под жестяным плафоном. На верёвке, натянутой от двери уборной к окну, висели простыни и чьи-то мужские кальсоны. С них капало на протёртые доски. У батареи стоял таз, полный сероватой воды, а рядом лежали детские валенки, набитые газетой.

Из общей кухни доносились голоса и шипение примуса.

Вера ещё не успела снять мокрые калоши, как дверь кухни приоткрылась. В проёме показалась Анна Сергеевна, соседка из комнаты напротив, сухая пожилая женщина с аккуратным пучком и вечной шерстяной кофтой поверх платья.

— Верочка, это ты? — спросила она и тут же заметила форму. — Слава богу. А то тут такого наговорили.

— Добрый вечер, Анна Сергеевна.

— Какой там вечер. Ты слышала? У Сокольников санитарные машины, у трамвайного кольца милиция. Говорят, людей из лавки выводили.

На кухне кто-то кашлянул.

— Не из лавки, а из пивной, — отозвался мужской голос. — Петрович с работы ехал, сам видел. Один пьяный морду кондуктору разбил, вот и вся санитария.

Вера стянула перчатки, положила их на тумбу у двери.

— Не знаю, что там было.

Анна Сергеевна поджала губы.

— А у тебя на службе ничего не говорят?

— Если бы говорили, я всё равно не обсуждала бы это на кухне.

Сказала без резкости, но соседка сразу отступила на полшага. Вера пожалела об этом. Анна Сергеевна была не любопытной по злобе. Просто жила в квартире, где чужие шаги, чужие болезни и чужие похороны всегда касались всех.

Из кухни выглянул Григорий Павлович, слесарь, широкоплечий, в майке и старых брюках. Он держал в руке кружку.

— Да мы не к тебе с протоколом, товарищ лейтенант. Просто трамваи сегодня будто с цепи сорвались. Стояли на каждом углу. Я к дому полтора часа добирался.

— Закройте окно, Григорий Павлович, — сказала Вера. — Простыня уже мокрая.

Он обернулся. Окно над раковиной и правда было приоткрыто, в него затягивало снежную крупу. Григорий Павлович молча закрыл форточку, потом покосился на неё внимательнее.

— У вас, что ли, в районе тоже машины санитарные были?

— Я сказала: не знаю.

— Ладно, ладно.

За стеной радиоточка вдруг захрипела, марш оборвался на середине такта. Несколько секунд слышался только треск, затем диктор ровным, уставшим голосом произнёс что-то о завершении праздничных мероприятий и необходимости соблюдать общественный порядок. После этого снова заиграла музыка — уже тише.

Из комнаты в конце коридора донёсся голос матери:

— Вера?

Она не повысила его, но Вера сразу услышала, что мать стояла в дверях и ждала.

— Я здесь.

Мария Ильинична появилась в коридоре, придерживая ладонью край халата. Волосы у неё были собраны на затылке небрежнее обычного, на щеке остался след от очков. Она, видно, только что читала или штопала: на пальце блестела тонкая нитка.

— Сними калоши, — сказала она вместо приветствия. — Ты весь пол зальёшь.

— Уже сняла.

— Тогда иди.

Вера вошла в их комнату и прикрыла за собой дверь.

Здесь было теплее, чем в коридоре. На окне стоял горшок с вытянувшейся геранью; листья у неё по краям побурели от холода. Под абажуром горела лампа, жёлтый свет ложился на стол, на швейную машинку, накрытую старым полотенцем, на две кружки. На тахте лежал сложенный плед. В углу, у шкафа, стоял старый дорожный саквояж с потёртыми кожаными углами, тот самый, который Мария не выбрасывала с войны и время от времени протирала тряпкой, хотя пользовалась им редко.

На стене висела фотография в узкой тёмной рамке. Вера не посмотрела на неё сразу. Она знала, что посмотрит потом, когда будет собирать документы и руки сами потянутся к полке под снимком.

— Пальто снимай, — сказала мать. — И сапоги. Ты в них, похоже, пол-Москвы прошла.

— Трамвай стоял.

— Трамвай всегда стоит, когда ты приходишь позже девяти. Шарф мокрый. Повернись.

Вера послушно повернулась. Мария ловко размотала у неё шарф, потянула за край шинели.

— Руки ледяные. На кухне чайник уже шумит. Суп я подогрела.

— Не хочется.

Мария замерла на секунду. Потом сняла с дочери шинель, повесила на спинку стула и сказала тем же деловым голосом:

— Значит, съешь без желания.

— Мама.

— Не начинай. Я тебя не спрашиваю, хочется тебе или нет. Я вижу, что ты с утра не ела.

Вера хотела ответить привычной сухой шуткой, но слова не пришли. Она села на край стула, сняла сапоги. В носках сразу стало холодно. Мария подтащила к ней старую тряпку.

— Поставь туда. И не на коврик, он не железный.

Она говорила быстро, занятая руками: расправляла мокрый шарф, ставила сапоги к батарее, снимала с Веры перчатки. Вера смотрела на неё и вдруг ясно увидела, как нелепо звучали слова Левина. «Не оставляйте мать одну». Будто Мария была человеком, которого можно оставить у окна с вязанием и стаканом воды. Будто она не перевязывала раненых в землянке при коптилке, не таскала носилки, не спала по два часа и не умела отличить обычную усталость от того состояния, когда человек молчит, потому что внутри уже всё собрано в тугой узел.

Мария поставила перед ней тарелку супа, хлеб и маленькую солонку.

— Ешь.

Вера взяла ложку. Суп был с перловкой, картошкой и капустой, не густой, но горячий. Она проглотила первую ложку и поняла, что голодна до дрожи.

Мать села напротив, не притронувшись к своей кружке.

— Где задержали?

— На работе.

— Вижу.

— Что именно?

— Что это не обычная задержка.

Вера продолжала есть. Ложка стукнула о край тарелки.

— Почему ты решила?

— Потому что ты вошла и сразу проверила дверь. Потом карман. Потом окно. Потому что ты сидишь в мокрых носках и ешь так, как едят люди, которым приказали не тратить времени. Хочешь соврать — соври. Только не делай вид, что я слепая.

Вера подняла глаза.

Мария не смотрела укоризненно. В её лице не было ни любопытства, ни обиды. Только усталое ожидание. Она знала: если дочь могла говорить — скажет. Если не могла — не вытащит из неё силой. Но врать при ней было тяжелее, чем на служебном допросе.

— Было происшествие, — сказала Вера.

— Где?

— На Лубянке.

Мария кивнула, очень медленно.

— Ты была рядом?

— Да.

— Кровь?

— Видела.

— На тебе есть?

— Нет.

— Ты кого-нибудь трогала?

— Нет.

— Тебя трогали?

— Нет.

Вопросы звучали спокойно, почти буднично. Но Вера заметила, что мать перестала двигать пальцами. Нитка, которую она так и не сняла с указательного пальца, натянулась между фалангами.

— Порезы есть? — спросила Мария.

— Нет.

— Руки покажи.

— Мама, я не ребёнок.

— Руки покажи.

Вера протянула ладони. Мария внимательно осмотрела их, перевернула, посмотрела на запястья, на ногти. Потом взглянула на ссадину у большого пальца.

— Это что?

— Бумага. Днём.

— Чисто?

— Чисто.

Мария отпустила её руку.

— Хорошо.

Она сказала это так тихо, что Вера почувствовала, как раздражение, державшееся весь вечер, вдруг осело. Не исчезло — просто ушло глубже.

— Что за происшествие? — спросила мать.

— Не могу сказать.

— Понятно.

— Но нужно собраться.

Мария посмотрела на неё прямо.

Вера достала конверт. Печать на нём бросалась в глаза, хотя в комнате никого, кроме них, не было. Она положила его на стол между кружкой и хлебницей, не открывая.

— Может быть тревога. Нам надо быть готовыми уйти ночью или до рассвета.

— Куда?

— На станцию сбора.

— Какую?

— Сорок вторую.

Мария потянулась к конверту.

Вера накрыла его ладонью.

— Там служебные бумаги.

— Я не собираюсь читать твои бумаги. Я спросила, куда ты меня ведёшь.

— Я сама не знаю, куда дальше.

— А кто знает?

— Майор Левин.

— Тот, который никогда не бывает у тебя дома и которого ты никогда не называешь без звания?

— Он.

Мария чуть откинулась на спинку стула. Потом кивнула на конверт.

— Моё имя там есть?

Вера не ответила сразу.

Этого было достаточно.

Мария опустила взгляд на стол. Чайник на кухне засвистел коротко и резко. Кто-то из соседей выругался, потом послышались быстрые шаги, скрипнула дверь.

— Есть, — сказала Вера.

— Уже вписано?

— Да.

— Почему?

Вера держала ладонь на конверте. Ей хотелось ответить хоть чем-нибудь определённым. Сказать, что это обычная мера. Что на станции будут семьи сотрудников. Что в бумаге ошибка. Что Левин перестраховывается. Но на Лубянке она слишком хорошо увидела его лицо, когда он говорил о матери.

— Не знаю, — сказала она.

Мария подняла глаза.

На этот раз в них мелькнуло что-то похожее на страх. Не паника. Страх человека, который успел многое повидать и потому не тратит силы на неверные названия.

— Не знаешь или не можешь сказать?

— Не знаю.

Мария медленно кивнула.

— Тогда собираемся.

Она встала так резко, что стул царапнул пол. Взяла чайник, налила кипятка в кружку, потом вдруг поставила его обратно.

— Ты ешь. Я пока достану вещи.

— Я сама.

— Конечно, сама. Ты же у нас всё сама. Только сначала доешь суп, пока он тёплый.

Вера почти улыбнулась.

— Командуете?

— Нет. Навыки выживания передаю.

Мария подошла к шкафу, сняла с верхней полки стопку белья. За бельём оказалась жестяная коробка из-под печенья, перевязанная бечёвкой. Она поставила её на стол, затем достала из шкафа саквояж.

Саквояж был тяжёлый даже пустой. Его кожа потемнела у ручки, замок с одной стороны давно не защёлкивался до конца, и Мария всегда перевязывала его ремнём. Вера помнила его ещё с детства: он стоял то в коридоре, то под кроватью, то на верхней полке, пах пылью, лекарствами и чем-то сухим, аптечным.

— Ты его всё ещё хранишь, — сказала Вера.

— Хранила бы и дальше, если бы ты не пришла с лицом человека, которому велели взять мать и молчать.

— Я не так выгляжу.

— Так. С той разницей, что раньше ты ещё умела делать вид, будто не так.

Мария открыла саквояж. Внутри лежал свёрток с бинтами, плоская металлическая коробка, старая фляга, два полотенца, завернутые в чистую наволочку, и маленький блокнот в серой обложке.

— Ты это всё держала готовым? — спросила Вера.

— Не готовым. В порядке.

— Разница большая.

— Для тех, кто никогда не собирался за двадцать минут, — большая. Для остальных нет.

Она перебирала вещи быстро, без суеты. Отложила в сторону полотенца, проверила флягу, понюхала пробку. Достала из коробки пузырёк со спиртом, ещё один — с йодом, паке-тик таблеток, шприц в футляре, ножницы с тупыми концами, несколько перевязочных пакетов.

— Это старьё, — сказала Вера. — В поликлинике есть всё.

— В поликлинике есть всё, пока ты находишься в поликлинике.

— И куда ты собираешься с этим идти?

— Туда, куда ты меня поведёшь.

Вера не нашла, что ответить.

Мария развернула чистую тряпицу, положила в неё бинты и стала заворачивать плотнее.

— Если это заразное, — сказала она, не глядя на дочь, — надо знать каким путём.

— Мне не сообщили всего.

— Тогда спроси себя, почему тебя отправили домой не спать, а собирать аптечку.

— Я уже спросила.

— И?

— Ответа нет.

Мария затянула узел.

— Было что-то с людьми?

Вера смотрела на пар над тарелкой. В памяти опять поднялся запах хлорки, резкий и чистый, пороховой дым, кровь на полу, чужой голос за закрытой дверью. Она видела многое по службе, но то, что случилось в нижнем секторе, не укладывалось ни в одну привычную папку.

— Да, — ответила она.

— Они были в сознании?

— Не знаю.

Мария остановилась.

— Ты же была там.

— Я видела недолго.

— Они говорили?

— Один не мог.

Это была почти правда. Вера положила ложку.

— Мама, мне сказали, что надо избегать крови. И не подпускать никого близко, если человек ведёт себя странно. Это всё.

Мария кивнула ещё раз, теперь уже без вопросов. Её лицо стало другим — собранным, жёстким по линии рта.

— Тогда слушай меня. Не трогай чужие повязки голыми руками. Не лезь помогать, пока не понимаешь, что происходит. Если у тебя треснула кожа, заклей. И если я скажу тебе отойти, ты отойдёшь.

— Я лейтенант МГБ.

— А я женщина, которая слишком много раз видела, как должности умирают от глупости.

Вера взглянула на неё.

Мария выпрямилась, будто ждала возражения. Но Вера только сказала:

— Хорошо.

Это «хорошо» прозвучало непривычно. Мать заметила. На секунду её брови дрогнули, затем она снова занялась саквояжем.

Вера доела суп, вытерла губы салфеткой и встала.

— Документы я соберу.

— Твои — собирай. Мои в коробке.

— В какой?

— В той, которую ты двадцать лет называешь ненужным хламом.

— Я так не говорила.

— Говорила. В семнадцать лет. Не дословно, конечно, тогда у тебя был более богатый словарь.

Вера открыла жестяную коробку. Там лежали паспорта в бумажной обложке, свидетельства, несколько квитанций, сберегательная книжка, свёрнутые деньги, завернутые в старую медицинскую ведомость. Под ними — фотография, тонкая, с белой каймой.

Она машинально взяла её.

На снимке мать была моложе, в светлой платке, с упрямо сжатыми губами. Рядом стоял отец Веры, худой, в тёмной гимнастёрке без знаков различия. Вера на фотографии сидела у него на руках, маленькая, сердитая, с огромным бантом, который съехал набок.

— Возьми, — сказала Мария.

— Зачем?

— Потому что потом забудем.

— Фотография не документ.

— Я знаю.

Вера посмотрела на отца. Его лицо на снимке было неясным от времени, но глаза читались хорошо. Ей вдруг захотелось спросить что-нибудь простое, детское: помнил ли он, как завязывать ей бант, что говорил, когда фотограф щёлкнул аппаратом, почему мать выбрала именно эту карточку из всех. Но она не спросила.

Мария, не оборачиваясь, сказала:

— Он бы сказал, что ты слишком много думаешь.

— И был бы прав?

— Нет. Он бы вообще редко был прав, если бы спорил с тобой.

Вера положила фотографию в карман саквояжа, между паспортом и свёртком бинтов.

— Ты его защищаешь.

— Я никого не защищаю. Просто помню.

Пауза вышла короткой. В коридоре хлопнула дверь, за стеной ребёнок заплакал, кто-то приглушённо сказал: «Температура опять поднялась». Потом женский голос ответил: «Да не накручивай себя, простыл на улице».

Мария и Вера одновременно посмотрели на дверь.

— Соседский мальчишка? — спросила Вера.

— Наверное, Мишка из шестой. Днём с санками во дворе был, весь мокрый.

— Обычная простуда.

— Может быть.

Мария сказала это ровно, но стала быстрее складывать вещи.

Вера достала из шкафа свой тёплый свитер, смену белья, шерстяные носки. Потом раскрыла нижний ящик стола. Там лежали записная книжка, карандаши, пачка писем, несколько чистых конвертов, служебное удостоверение в тёмной обложке.

Пистолет она хранила отдельно, в плоском кожаном чехле, завернутом в старый шарф. Она вынула его, проверила привычным движением, не задерживаясь на металле взглядом. К оружию полагались запасные патроны — немного, ровно столько, сколько ей выдавали. Она положила их в отдельный карман сумки.

Мария заметила.

— Это обязательно?

— Да.

— Тогда возьми к нему сухую тряпку. В снегу всё отсыреет.

— У меня есть кобура.

— Кобура — не чудо.

Вера послушалась. Взяла тряпицу, обернула рукоять осторожнее.

— Ты служебное удостоверение положила? — спросила Мария.

— Да.

— Денег сколько?

— Хватит.

— Это не ответ.

— Рублей сто двадцать.

— Мало.

— У меня ещё есть на книжке.

— На книжке ты их не достанешь посреди ночи. Возьми из коробки.

— Это твои деньги.

— У нас с тобой разные квартиры?

— Нет.

— Тогда не спорь.

Мария протянула ей свёрток. Вера взяла не всё, только часть.

— Остальное оставь.

— Почему?

— Потому что не знаю, сколько это продлится.

Мать посмотрела на неё внимательно.

— Значит, ты всё-таки думаешь, что знаешь.

— Я думаю, что лучше иметь деньги.

Мария не стала спорить. Она завернула остаток обратно и положила в саквояж.

За окном проехала машина. Свет фар на секунду полоснул по потолку, потом исчез. Во дворе хлопнули дверцы, кто-то быстро прошёл под окнами. Вера подошла к стеклу и отодвинула край занавески.

У арки стоял грузовой автомобиль с брезентовым кузовом. Рядом — санитарная машина, та самая серо-белая, какую она видела у перекрёстка. Двое мужчин в тёмных пальто разгова-

ривали с дворником. Один держал папку. Ни красных крестов, ни сирены, ни носилок видно не было.

— Что там? — спросила Мария.

— Машины.

— К кому?

— Не знаю.

Вера отпустила занавеску.

Она не хотела подходить к двери. Не хотела слышать, как соседи перешёптываются в коридоре. Но нельзя было сидеть в комнате, дожидаясь, пока любая тень за окном приобретёт смысл сама по себе.

— Я посмотрю.

— Я с тобой.

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты собираешь вещи.

— Вера.

— Мама, пожалуйста.

Мария помолчала. Потом сказала:

— Дверь не запирай изнутри на крючок.

Вера кивнула и вышла.

В коридоре было темнее, чем раньше. Лампочка под плафоном мигала, то гасла, то снова разгоралась тусклым жёлтым светом. Анна Сергеевна стояла у кухни с чашкой в руках. На лице её была растерянность, которую она пыталась прикрыть привычной строгостью.

— Во дворе кто-то заболел? — спросила Вера.

— Не знаю. Дворник заходил, спрашивал, не видели ли мы женщину в синем пальто. Представляешь? В праздник ушла и не вернулась. Может, к родственникам поехала, а тут машины гоняют.

Григорий Павлович стоял у окна, но форточку не открывал.

— Говорят, в доме через двор мужика скрутило, — сказал он. — Кусаться начал. Пьяный, наверно.

Анна Сергеевна резко повернулась к нему.

— Что значит — кусаться?

— А что значит? Пьяный. Люди и хуже делают.

— Ты сам видел?

— Нет. Дворник сказал.

Вера почувствовала, как напряглись плечи.

— Кто сказал?

— Семён наш. Он с милиционером говорил.

— Где Семён?

— Во дворе.

— Не выходите туда.

Григорий Павлович усмехнулся, но без веселья.

— Да мы и не собирались.

— И дверь держите закрытой.

— Ты что-то знаешь? — спросила Анна Сергеевна.

Вера посмотрела на её чашку, на тонкие пальцы, сжавшие фарфор.

— Я знаю только, что в такую погоду никому не нужно толпиться во дворе.

Она вернулась в комнату. Мать уже застёгивала саквояж ремнём.

— Что?

— Ничего ясного.

— А неясного?

— Кто-то во дворе. Санитарная машина.

Мария взяла со стола бинты и переложила их в наружный карман.

— Ты мне сказала, что крови не касалась.

— Не касалась.

— Я не про это. Я проверяю, что ты помнишь.

— Помню.

— Хорошо.

Вера сняла часы, посмотрела на циферблат. Было без малого одиннадцать. До рассвета оставалось много часов, но она уже не могла представить, что ляжет спать. Одежду она тоже не снимала: только переобулась в сухие ботинки, натянула шерстяные носки и снова застегнула ворот блузки.

Мария заметила.

— Сядь хотя бы.

— Не хочу.

— Устанешь.

— Потом.

— Потом бывает поздно, — сказала мать и тут же замолчала, будто сама пожалела о сказанном.

Вера опустилась на край тахты. Мария поставила перед ней кружку чая. В чай она бросила кусочек сахара, хотя обычно берегла.

— Ты себе налила?

— Налила.

— Тогда сядь.

Мария села рядом, не напротив. Их плечи не касались друг друга, но Вера чувствовала тепло от её рукава. Несколько минут они молчали. За стеной продолжала играть радиоточка, теперь тихо, с перебоями. На кухне кто-то передвигал кастрюлю. В уборную прошла Анна Сергеевна, шаркая тапками.

— Помнишь, как мы в Куйбышев собирались? — спросила Мария.

Вера повернула голову.

— Мне было шесть.

— Семь почти.

— Не помню.

— И хорошо. Ты тогда надела две шапки и решила, что тебя везут в цирк. Потому что я сказала: «Будешь ехать в вагоне». А вагон у тебя был только один — трамвайный.

— Ты мне не говорила.

— А что я должна была сказать? Что на вокзале давка, что билетов нет, что твой шарф потерялся, а я два дня не спала? Детям это не нужно.

— А теперь нужно?

Мария взяла кружку обеими руками.

— Теперь ты сама решаешь, что тебе нужно. Но одно скажу. Во время войны многие ждали бумагу с печатью. Правильную. Чтобы было написано, куда идти, что брать, кого слушать. А потом оказывалось, что бумага пришла, когда идти уже некуда.

— У нас есть бумага.

— Есть. Поэтому мы и собираемся.

— Тебе страшно?

Мария посмотрела на чай.

— Мне не нравится, когда ты задаёшь такие вопросы тихо. Значит, сама уже боишься.

— Я спрашиваю прямо.

— Тогда отвечаю прямо. Да. Но страх — это не причина сидеть.

Вера кивнула.

Мария поставила кружку и вдруг поправила ей воротник. Потом расправила шерстяной шарф, который Вера не успела убрать со стула.

— Не надо, — сказала Вера по привычке.

— Надо. На станции будет холодно.

— Ты не знаешь, где станция.

— На любой станции холодно.

Она завязала шарф ту же, чем Вера любила. Вера хотела возразить, но не стала. Мать убрала выбившуюся прядь у неё со лба, задержала пальцы на секунду, потом отдернула руку и встала.

— Так. Еда.

— У нас есть хлеб.

— Хлеб — это не еда на дорогу. Где банка?

— Какая?

— С тушёнкой. Я её в августе купила и сказала тебе не трогать.

— Ты сказала: на случай гостей.

— Вот гости и пришли. Только без приглашения.

Она достала из буфета две банки, завернула их в полотенце, положила к хлебу. Добавила пачку сухарей, соль в бумажном пакетике, пару яблок, которые Вера считала слишком сморщенными для еды.

— Эти уже испортились.

— Эти ещё дойдут. Не учи меня яблокам.

— Не учу.

— Вот и хорошо.

Мария двигалась по комнате быстро, почти бесшумно. Вера наблюдала, как она решает, что взять, а что оставить. Не тянулась к вещам из жалости. Не складывала в сумку всё подряд. Взяла тёплую кофту, но не вторую. Взяла деньги, но не все. Взяла фотографию, но не толстый альбом. Взяла медицинские инструменты, хотя они утяжеляли саквояж.

— Ты надеешься работать там? — спросила Вера.

— Я надеюсь, что они не понадобятся.

— Это не ответ.

— Это ответ, который есть.

В коридоре зазвонил телефон.

Телефон стоял у Григория Павловича в комнате — чёрный, тяжёлый, с треснувшей трубкой. Им пользовались все жильцы, если звонили из учреждений или с дальних номеров. Обычно он звонил редко, и каждый раз в коридор выходили почти все. Сейчас звонок прозвучал особенно резко, прорезал комнату, кухню, мокрый коридор.

Один звонок.

Второй.

Третий.

Григорий Павлович открыл дверь раньше, чем Вера успела подняться. Его голос раздался из-за перегородки:

— Алло?

Вера стояла уже у стола. Мария схватила её за рукав.

— Не беги.

— Это могут быть с работы.

— Если с работы, позовут.

Звонок прекратился. Послышалось невнятное бормотание Григория Павловича, затем его шаги в коридоре. Он постучал в их дверь костяшками пальцев.

— Товарищ лейтенант? Вас.

Вера открыла.

Он держал трубку так, будто она была горячей.

— Сказали, срочно.

Она взяла телефон. Провод тянулся из комнаты соседа через приоткрытую дверь. Анна Сергеевна стояла у кухни, прижав ладонь к груди. Из дальней комнаты выглядывала женщина с ребёнком на руках.

— Соколова слушает.

В трубке щёлкнуло. Потом мужской голос, незнакомый, ровный и безличный, произнёс:

— Товарищ лейтенант Соколова?

— Да.

— Тревога объявлена. Сбор немедленно. Станция номер сорок два. Прибыть до рассвета.

Вера сжала трубку.

— Что происходит?

Пауза была короткая, но в ней она успела услышать далёкий треск линии и чей-то голос рядом с дежурным.

— Приказ майора Левина, — сказал мужчина. — Повторяю: выезжать немедленно. Сопровождающее лицо — Мария Ильинична Соколова. Не задерживаться.

— Каким маршрутом?

— Указания получите на месте.

— Там уже есть люди?

— Выполняйте приказ, товарищ лейтенант.

Связь оборвалась.

Вера ещё секунду держала трубку у уха. Потом медленно положила её на рычаг.

В коридоре никто не говорил. Даже Григорий Павлович молчал.

— С работы? — спросила Анна Сергеевна.

— Да.

— Ты уезжаешь?

Вера посмотрела на соседей. На мокрое бельё под потолком. На знакомые двери, облупленные у ручек. На таз у батареи. Всё это вдруг стало слишком отчётливым, как бывает перед тем, как выключают свет.

— Нам нужно ехать, — сказала она.

— Надолго? — спросила женщина с ребёнком.

— Не знаю.

Анна Сергеевна шагнула ближе.

— Верочка, там правда что-то заразное?

Вера могла сказать: нет. Могла сказать: не слушайте слухи. Могла уйти в комнату и запечататься. Но женщина с ребёнком смотрела на неё так, будто от одного слова зависело, открывать ли утром дверь, вести ли сына во двор, брать ли воду из общей кухни.

— Если кто-то в доме заболел резко, — сказала Вера, — не толпитесь вокруг. Вызовите врача. И не трогайте кровь голыми руками.

Григорий Павлович нахмурился.

— Это что за болезнь?

— Я не знаю.

— Но санитарные машины...

— Я не знаю.

Она повторила это твёрдо, чтобы не пришлось говорить больше.

Мария ждала в дверях комнаты. Саквояж стоял у её ног, застёгнутый и перевязанный ремнём. Рядом лежала Вериная сумка. Мать была уже в пальто, в шерстяном платке, который завязала под подбородком по-старому, плотно и удобно.

— Немедленно? — спросила она.

— Немедленно.

— До рассвета?

— Да.

Мария кивнула.

— Тогда берёшь сумку. Я — саквояж.

— Он тяжёлый.

— Я его носила и тяжелее.

— Я возьму.

— Вера.

В голосе матери не было повышения. Только предупреждение.

Вера выдохнула.

— Ладно. Но если станет тяжело — скажешь.

— Если станет тяжело, ты увидишь. Я не умею падать молча.

Она взяла саквояж. Вера подняла свою сумку, проверила ремень на плече, коснулась внутреннего кармана шинели. Конверт Левина был там. Удостоверение — там. Пистолет — на месте.

Мария оглядела комнату.

Лампа всё ещё горела под абажуром. На столе стояла недопитая кружка чая, рядом — тарелка с крошками. На батарее сушились Верины сапоги. Швейная машинка была накрыта полотенцем, на подоконнике герань тянулась к холодному стеклу.

— Сапоги, — сказала Мария.

— Оставим.

— Они мокрые.

— Возьмём потом, если вернёмся.

Мать не ответила. Только подошла к батарее, тронула один сапог пальцем, будто проверяя, успел ли он высохнуть. Потом отвернулась.

Вера погасила лампу.

Комната сразу стала меньше. Из коридора в неё падал бледный свет, ложился на шкаф, на край тахты, на рамку фотографии. Вера нащупала ключ на гвоздике у двери, сняла его.

Мария уже стояла на пороге.

— Всё? — спросила она.

Вера оглянулась ещё раз. Не потому, что хотела запомнить. Просто проверяла, не забыли ли они чего-нибудь важнее хлеба, денег, документов и бинтов.

Ничего не нашлось.

Она закрыла дверь, повернула ключ в замке и положила его во внутренний карман рядом с конвертом.

Глава 4

До трамвайной остановки они шли молча.

Ночь уже отступала, но утро не наступало: небо над крышами стояло низкое, серое, без единого просвета. Мокрый снег лип к воротникам, оседал на рукавах, таял на мостовой чёрной водой. На углу, где днём торговали папиросами и газетами, теперь стоял милицейский пост. Двое милиционеров в шинелях переговаривались с военным, уткнувшимся в планшет. За ними поперёк улицы темнел грузовик с натянутым брезентом.

Вера держала мать под локоть не потому, что Мария не могла идти сама. Та шла ровно, в тёплом пальто, в старом шерстяном платке, с медицинским саквояжем в одной руке и небольшим узлом в другой. Но на перекрёстках, где люди с чемоданами и тюками двигались в одну сторону, Вера не выпускала её.

У всех были одинаковые лица — не испуганные ещё, а сердитые и сонные. Люди не понимали, зачем их поднимали среди ночи, почему перекрыты улицы и почему на каждом втором грузовике сидели солдаты с винтовками.

У остановки толпились человек двадцать. Кто-то пытался закурить, прикрывая спичку ладонями. Женщина в каракулевой шапке ругалась с кондуктором:

— Я вам говорю: у меня отец лежащий. Куда я его ночью повезу? Куда?

— Мне приказано до кольца не ходить, гражданка. Дальше пешком.

— Приказано ему. А мне что приказано?

Старик в длинном пальто с прицепленной к лацкану медалью сказал, ни к кому не обращаясь:

— Учебная тревога. В сорок втором тоже начинали с учебных тревог.

— Тише ты, дед, — огрызнулся молодой мужчина с клеткой, накрытой старым полотенцем. Из-под полотенца донеслось слабое возмущённое чириканье. — Накличешь ещё.

— Не накликаю. Я говорю, как было.

Вера достала из внутреннего кармана конверт Левина. Бумага уже отсырела по краям, хотя она берегла её под шинелью. На конверте стоял красный штамп, подпись и номер, от которого у неё с вечера не уходило неприятное чувство: 42.

К трамваю подошёл серый служебный грузовик без опознавательных знаков. В кузове сидели люди: две женщины, мальчик лет десяти в отцовской ушанке, пожилая пара с одинаковыми фанерными чемоданами. Возле кабины стоял сержант внутренних войск.

— По предписаниям, — крикнул он. — Остальные не задерживайте проезд.

Вера показала конверт.

Сержант взял его, посмотрел на печать, потом быстро перевёл взгляд на её удостоверение. Лицо у него изменилось едва заметно. Он не стал спрашивать, откуда у лейтенанта МГБ такое направление и почему рядом с ней женщина с медицинским саквояжем.

— Садитесь. Обе. Быстро.

— Куда везёте? — спросила Вера.

— На сборный пункт.

— Это я вижу.

Сержант помедлил.

— Товарная площадка за северной веткой. Там скажут.

Мария поднялась в кузов без помощи. Вера села рядом, поставив сумку между коленями. Грузовик тронулся, тяжело перевалил через трамвайные рельсы.

Москва проплывала мимо сквозь мокрые брезентовые щели. Свет в окнах был редким. У булочной стояла короткая очередь — люди, очевидно, пришли за хлебом раньше времени и теперь озирались на проезжающие машины. У одного дома санитарный автомобиль перегородо-

дил подъезд. Двое в белых халатах грузили в него носилки, но с кузова нельзя было разглядеть, кто лежал на них.

На следующем перекрёстке солдаты отводили в сторону гражданских. Женщина в домашнем халате поверх пальто пыталась пробиться через оцепление, кричала, что там остался её муж. Её не били, не тащили грубо — просто держали за локти и повторяли одно и то же:

— Гражданка, там карантинный участок. Назад.

Слово «карантинный» пошло по кузову шёпотом.

— Вот видите, — сказала женщина с фанерным чемоданом. — Эпидемия.

— Какая ещё эпидемия? — буркнул её муж. — Проверка.

— Проверка с санитарями?

— Война будет, вот и вся проверка.

Мальчик в ушанке спросил:

— Мам, нас в Сибирь?

Его мать прижала его к себе.

— Не слушай.

Мария сидела неподвижно, глядя в щель брезента. Потом наклонилась к Вере.

— Ты документы не потеряла?

— Нет.

— Пистолет?

— На месте.

— Еду?

— Мама.

— Что — мама? Доедем, тогда можешь на меня сердиться. А сейчас проверь.

Вера проверила. Удостоверение лежало во внутреннем кармане, пистолет — в кобуре под шинелью, запасной магазин — в сумке рядом с бинтами, хлебом и двумя банками тушёнки. Конверт она держала в руке.

Мария заметила это и сказала тихо:

— Не смотри на бумагу так. Бумага от твоих глаз правды не скажет.

Вера убрала конверт.

— Мне не нравится, что тебя внесли заранее.

— Мне тоже.

— Ты ничего не хочешь объяснить?

Мария посмотрела на неё спокойно.

— Если бы знала, объяснила бы.

Вера хотела сказать, что не верит. Но не сказала. Мать не любила недоговорённости, когда дело касалось чужой жизни. И если бы у неё был ответ, она бы не стала прятать его за пустыми словами.

Грузовик свернул к длинному кирпичному забору. За забором поднимался дым, слышались гудки локомотивов. Ворота были раскрыты настежь. Над ними висела временная табличка из белёной фанеры:

СБОРНЫЙ ПУНКТ 42 ПРОХОД ПО ПРЕДПИСАНИЯМ

Внутри было светлее, чем на улице, но этот свет не успокаивал. Прожекторы на высоких мачтах били вниз жёсткими белыми столбами. В их лучах снег казался грязным и неподвижным. Между складами стояли грузовики, санитарные машины, автобусы с запотевшими окнами. Вдоль ограждений тянулись очереди. Люди держали документы над головами, чтобы не намочить. Дети спали на чемоданах или плакали от холода.

Служебные ленты, натянутые между деревянными стойками, делили площадку на коридоры. На ящиках у стен белели красные кресты. Возле одного из складов санитарки раскладывали марлевые повязки и резиновые перчатки, а рядом милиционер отгонял любопытных.

Громкоговоритель хрипло повторял:

— Граждане, сохраняйте порядок. Проход к вагонам только после регистрации. Не задерживайтесь у медицинских постов. Лица без предписаний направляются к справочному столу.

Потом голос запнулся, щёлкнуло, и тот же диктор добавил:

— Посадка эшелона сорок второго производится по секторам. Семьи следуют вместе.

Повторяю: семьи следуют вместе.

Вера услышала это и сильнее сжала локоть матери.

Сержант махнул им в сторону длинного навеса.

— Регистрация там.

Под навесом за грубо сколоченными столами сидели люди в шинелях и гражданских пальто. Перед ними лежали толстые списки, карточки, пачки карандашей. Очередь двигалась рывками. За одним столом женщина спорила с регистратором, требуя вписать мужа. За другим молодой лейтенант держал на руках девочку в ватном капоре; девочка спала, уткнувшись ему в шею, а её ботинки волочились по мокрому полу.

Перед Верой стояла женщина с ребёнком. Мальчик лет пяти тёр ладонью красный нос и всё время оглядывался вниз.

— Варежка где? — спросила мать.

Он молчал.

— Я тебя спрашиваю, где варежка?

— Упала.

— Когда?

Он пожал плечами.

Женщина закрыла глаза на секунду, потом сняла с себя шерстяной шарф и обмотала ребёнку руки.

— Держи так. И не разжимай.

Когда подошла их очередь, регистратор — худой мужчина с воспалёнными веками — протянул руку.

— Предписание.

Вера положила на стол конверт и удостоверение.

Он вскрыл конверт, прочитал вложенный лист, открыл один список, потом второй. Его палец прошёл по строчкам.

— Соколова Вера Андреевна... — пробормотал он. — Лейтенант. Да.

Вера ждала.

— Соколова Мария Ильинична... сопровождающее лицо. Есть.

Мария чуть повернула голову.

— Уже есть? — спросила Вера.

Регистратор не поднял глаз.

— Есть в списке.

— Я вижу. Когда внесли?

— Не располагаю.

— Кто распоряжался?

Он наконец посмотрел на неё. Вера увидела, что мужчина устал бояться раньше, чем успел устать работать.

— Товарищ лейтенант, у меня тысяча человек по ведомости. Я не знаю, кто кого когда внёс. Вам вагон шестой, сектор Б. Эшелон сорок второй.

Он поставил на листе два штампа и выдал картонные бирки с привязанной бечёвкой.

«42. ВАГОН 6. Б».

Вера не взяла их сразу.

— Куда идёт эшелон?

- Вам сообщат в вагоне.
- Кто начальник эшелона?
- Вам сообщат в вагоне.
- Это санитарная эвакуация или обычная?

Регистратор сглотнул.

- Маршрут меняется. Не задерживайте очередь.

За их спиной уже недовольно зашевелились. Кто-то сказал:

- Умнее всех, что ли?

Вера взяла бирки.

На краю списка она заметила красные отметки. Некоторые фамилии были обведены карандашом, возле других стояли короткие буквы, смысла которых она не знала. Регистратор тут же прикрыл лист ладонью.

- Следующие.

Мария отошла первой. Вера догнала её у деревянного ограждения.

- Сопровождающее лицо, — сказала мать. — Красиво придумали.

- Не нравится мне это.

- Тебе сегодня ничего не нравится.

- Потому что тут ничего нормального нет.

Мария поправила ремень саквояжа.

- Нормального и не обещали. Смотри под ноги.

Они пошли по коридору между двумя рядами людей. Слева, за лентой, стояли автобусы. В один загружали женщин с детьми, в другой — пожилых. Справа, у санитарного поста, осматривали тех, кто кашлял, жаловался на жар или слабость. Осмотр был быстрым: ладонь ко лбу, взгляд в глаза, несколько вопросов. Людей с явной температурой отводили к отдельному навесу. Там уже сидело человек десять, укрытых одеялами.

Мария задержала взгляд на девочке в сером пальтишке. Девочка лежала на чемодане, поджав ноги, и тяжело дышала. Рядом с ней сидел мужчина, растерянно гладивший её по волосам.

- У неё жар, — сказала Мария.

- Санитары видят.

- Не так смотрят.

Она шагнула в сторону, но Вера удержала её.

- Мама.

- Я не собираюсь устраивать обход. Скажу им.

Мария подошла к ближайшей медсестре.

- У девочки возле третьего коридора высокая температура. Посмотрите.

Медсестра, молодая, с мокрой прядью волос на щеке, раздражённо ответила:

- Их тут десятки.

- У этой губы синие.

Медсестра посмотрела туда, куда указывала Мария, и лицо её стало серьёзнее.

- Хорошо. Спасибо.

Мария вернулась.

- Теперь идём.

- Ты тоже видела что-то?

- Я видела больного ребёнка. Не надо из каждого жара делать конец света.

Вера ничего не ответила. Запах угольного дыма смешивался с мокрой шерстью, керосином, человеческим потом и лекарствами. От него подступала тошнота. Она сглотнула, заставляя себя дышать медленнее.

За складами открывались пути. Там стоял эшелон: длинный, тёмный, с несколькими пассажирскими вагонами между товарными. На дверях белой краской были выведены номера. Из труб локомотива валил пар. В окнах уже мелькали лица. К вагону шестому вела узкая деревянная платформа, с одной стороны ограниченная стеной склада, с другой — открытым краем над путями.

Над дверью висела дощечка:

ЭШЕЛОН 42 ВАГОН 6 СЕКТОР Б

Вера прочла надпись дважды.

У входа в вагон солдат проверял бирки.

— По одному, — кричал он. — Не толкаться! Багаж сначала передаём, потом сами!

Люди не слушали. Женщина с ребёнком без варежки пыталась протиснуться вперёд, потому что мальчик начал плакать и проситься в уборную. Парень с клеткой спорил с солдатом:

— Птицу возьму. Она маленькая.

— Не положено животных.

— Какая она животная? Канарейка.

— Не положено.

— Она у сестры после мужа осталась.

— Гражданин, отойдите.

Клетка дёргалась в его руках. Птица металась внутри, цепляясь лапками за жердочку.

Громкоговоритель хрипнул:

— Посадку завершить в течение десяти минут. Повторяю: в течение десяти минут.

Почти сразу другой голос, не тот, что раньше, выкрикнул:

— Посадку приостановить на третьем пути! Медицинскую бригаду к четвёртому коридору!

Люди обернулись.

Вера тоже посмотрела. Медицинский пост находился шагах в сорока, у края навеса. Возле него образовалось плотное кольцо. Сначала она увидела только спины: санитар в белом халате, милиционер, женщина в тёмном платке. Потом толпа качнулась, и между плечами мелькнул мужчина.

Он был лет тридцати пяти, может, старше. Без шапки, в расстёгнутом пальто, хотя снег садился ему на волосы. Он сидел на складном стуле, но сидел неправильно — выгнувшись, упираясь ногами в землю, будто стул жёг его. Лицо было мокрым от пота. Он шурился от прожектора и прикрывал глаза ладонью.

Санитар держал его за плечо.

— Гражданин, назовите фамилию.

Мужчина что-то сказал.

— Громче.

— Домой.

— Где вы живёте?

— Домой надо.

Женщина в платке наклонилась к нему.

— Петя, Петенька, это я. Ты меня слышишь?

Он резко отшатнулся. Его глаза бегали по лицам, по свету, по белым халатам. Вера не слышала, что он бормотал, но различала повторяющееся слово:

— Не надо... не надо... не надо...

Мария остановилась.

— Вера.

— Я вижу.

— Это не обычная горячка.

В её голосе не было паники. От этого стало хуже.

Вера повернулась к солдату у вагона.

— Товарищ сержант.

— Потом!

— У медицинского поста больной. Агрессивный, дезориентирован.

— Там медики.

— Передайте начальнику охраны.

Солдат посмотрел в сторону поста. Мужчина на стуле вдруг вскочил так быстро, что санитар не успел удержать его. Женщина в платке попыталась обнять его за пояс.

— Петя!

Он оттолкнул её. Не с размаху, не намеренно жестоко — всем телом, как от опасности. Женщина упала на колени в снег. Санитар кинулся к нему, схватил за рукав.

Мужчина повернулся и вцепился зубами санитару в руку.

Крик был коротким, сорванным. Санитар попытался вырваться, ударил свободной рукой по плечу нападавшего. Белый рукав мгновенно потемнел у запястья.

Несколько секунд никто не понял, что произошло.

Кто-то засмеялся нервно: пьяный, мол, дерётся. Кто-то крикнул: «Милиция!» Женщина в платке завывала и поползла к мужчине. Другой санитар кинулся к раненому, но Мария крикнула так, что её услышали даже у вагона:

— Не трогайте кровь руками! Перчатки!

Санитар замер. Второй уже тянулся к товарищу, но отдёргнул руку.

Мужчина с кровью на губах развернулся к толпе. Милиционер бросился к нему сбоку. Тот ударил его лбом в лицо, вырвался и рванул к коридору между ограждениями.

Туда, где стояли люди с детьми и вещами.

Паника началась не криком. Она началась с движения назад. Один человек пятился, упёрся в другого, тот повернулся, увидел бегущего мужчину и толкнул третьего. Ленты между стойками провисли. Кто-то закричал, что стреляют, хотя никто ещё не стрелял. Женщина с мальчиком без варежки потеряла равновесие, ребёнок выскользнул у неё из рук.

— К вагону! — приказала Вера матери. — Не отходи от двери!

— А ты?

— За мной.

Она схватила Марию за руку и повела вдоль стены склада. Но люди уже давили из дальнего коридора, не разбирая, куда бегут. Солдат у входа в вагон кричал, чтобы не толкались, и пытался удержать поток плечом.

— По одному! По одному, я сказал!

Мужчина в расстёгнутом пальто налетел на ограждение, опрокинул стойку. За ним бежали двое милиционеров. Один держал дубинку, второй — пистолет, но не поднимал его: перед ним были люди.

— Всем назад! — кричал милиционер. — Назад от прохода!

Никто не мог пойти назад. Сзади давили те, кто ещё не видел причины.

Мария прижалась к стене склада, открыла саквояж прямо на ходу.

— Зачем? — спросила Вера.

— У санитаров кровь. Если его донесут сюда, нужны перчатки.

— Мама, сейчас не до него.

— До крови всегда до.

Она вытащила резиновые перчатки, сложенный бинт, маленький флакон. Саквояж не застёгивался: из него торчал край старого полотенца.

У самого трапа мальчик без варежки упал. Его мать, прижатая толпой к перилам, не могла до него дотянуться.

— Миша! Миша!

Ребёнок оказался на мокрых досках, прямо перед ногами взрослых. Вера увидела, как на него заносится тяжёлый сапог, и отпустила руку матери.

— К двери! — сказала она.

— Вера!

Она уже наклонилась, протиснулась вниз между чужими коленями и чемоданами. Чья-то сумка ударила её по плечу. Кто-то наступил ей на ладонь. Вера схватила мальчика за воротник пальто, потянула к себе. Он плакал без звука, широко раскрыв рот.

— Тише. Держись за меня.

Она подняла его, но в ту же секунду толпу качнуло в сторону путей. Деревянный трап скрипнул. Женщина, мать мальчика, упала на колени у двери вагона, и её потащили назад чужими плечами.

Вера толкнула ребёнка к ней.

— Берите!

Женщина вцепилась в сына, закрыла его собой.

Слева раздался удар. Мужчина в расстёгнутом пальто прорвался к трапу. Один из милиционеров висел у него на рукаве, второй пытался перехватить сзади. Мужчина мотал головой, хрипел, дёргался с такой яростью, что люди вокруг отшатнулись. Он увидел Марию — белые перчатки в её руках, открытый саквояж — и рванулся в её сторону.

Вера успела между ними.

Она не думала, что делает. Просто толкнула мать к двери вагона, а сама выставила руку, заслоняя её. Мужчина налетел на неё плечом. От него пахло потом, мокрой шерстью и чем-то кислым, больничным. Его лицо было совсем близко. Вера увидела воспалённые глаза, кровь на зубах.

Она ударила его рукоятью пистолета в висок.

Удар вышел слабее, чем нужно. Мужчина качнулся, но не упал. Он схватил её за рукав. Вера вывернулась, чувствуя, как ткань трещит на плече. Милиционер наконец навалился на него сбоку, и оба рухнули на доски.

— Не бейте его по лицу! — крикнула Мария. — Не голыми руками!

— Уведите людей! — заорал солдат.

Мужчина на полу дёрнулся, вцепился милиционеру в воротник. Милиционер ударил его локтем, вырвался. Вера увидела, как у милиционера на щеке появилась тонкая кровавая полоса. Он машинально провёл по ней ладонью.

— Руку не трогать! Лицо не трогать! — Мария бросила ему перчатки. — Наденьте!

Милиционер смотрел на неё пусто, не понимая.

— Наденьте, сказала!

Он взял перчатки.

Из-за вагонов донёсся выстрел. Потом второй. Толпа закричала уже по-настоящему. Кто-то побежал обратно к складам, кто-то, наоборот, бросился в открытые двери вагонов. Солдат у трапа перестал проверять бирки и начал просто заталкивать людей внутрь, стараясь не дать им сбить друг друга.

— Вагон закрыть! — крикнул кто-то в мегафон. — Шестой вагон закрыть немедленно!

— Там ещё люди! — заорала женщина у двери.

— Закрыть проход!

Мария была уже на ступеньках. Одной рукой она держалась за поручень, другой пыталась удержать саквояж. Вера стояла ниже, между ней и толпой. На платформе у их ног лежал мужчина с клеткой: клетка вылетела из рук, дверца распахнулась. Маленькая жёлтая птица метнулась в белый свет прожектора и исчезла над путями.

— Мама, внутрь!

— Ты со мной!

— Сейчас.

Вера обернулась. У края трапа, почти у рельсов, лежала девочка в сером пальтишке — та самая, которую Мария заметила у санитарного поста. Её отец пытался вытащить её за руки, но люди сзади давили так, что он едва держался на ногах. Девочка не плакала. Она смотрела вверх мутными глазами.

Один из товарных вагонов на соседнем пути лязгнул сцепкой. Локомотив подал длинный гудок.

Вера увидела, что между девочкой и боком вагона оставалось меньше метра. Если состав тронется, если толпа качнётся ещё раз, ребёнка затолкают под колёса.

Она отпустила поручень.

— Вера! — крикнула Мария.

Но Вера уже прыгнула вниз.

Она протиснулась к девочке, упала на колени в снег и грязь. Отец ребёнка тянул её в одну сторону, Вера — в другую.

— Отпустите руку! Под плечи берите!

— Она больная!

— Я вижу. Под плечи!

Мужчина послушался. Вместе они подняли девочку. Она была лёгкая, слишком лёгкая, и горячая даже через пальто. Вера передала её отцу.

— К стене! Не в вагон, к стене!

— Жена там! — закричал он.

— К стене!

Она подтолкнула его к узкому зазору у склада. В ту же секунду солдаты опустили деревянную перекладину на входе к трапу. Несколько человек оказались снаружи, несколько — внутри. Милиционеры натянули поверх перекладины брезентовую ленту.

— Назад! Закрытый сектор!

— Там моя мать! — Вера рванулась к проходу.

Солдат выставил винтовку поперёк груди.

— Нельзя!

— Уберите оружие. Я лейтенант МГБ.

— Приказ начальника охраны!

— В шестом вагоне моя мать.

— Там семьи уже размещают.

— Она одна.

— Не одна она, там полный вагон.

Вера показала удостоверение. Солдат даже не посмотрел.

— Назад, товарищ лейтенант. Там прорыв. Вы хотите, чтобы вас туда затоптали?

За его плечом, в дверном проёме, появилась Мария. Её втокнули внутрь, но она держалась за край двери. Платок сбился набок. На одной руке была натянута резиновая перчатка, в другой она сжимала ремень саквояжа.

— Вера!

Вера ударила ладонью по перекладине.

— Мама! Не закрывайте дверь!

Но проводник уже тянул тяжёлую створку. Мария успела наклониться к щели.

— Не лезь обратно! Слышишь?

— Я сейчас пройду!

— Не беги за поездом!

Дверь закрылась. Осталось мутное окно, исчерченное потёками. Вера увидела за ним силуэт матери, поднятую ладонь. Потом вагон дёрнулся.

Сначала медленно, почти незаметно. Люди вокруг ещё кричали, пытались спорить с охраной, стучали в двери. Потом колёса закричали громче, сцепки натянулись. Поезд пошёл.

Вера обогнула солдата, вырвалась к краю платформы. Её сапог скользнул на мокрой доске. Она удержалась, побежала вдоль вагона, прижимая к боку сумку, в которой тяжело стукнулся пистолет.

— Товарищ лейтенант! Стойте! — крикнул кто-то.

Она не остановилась.

В окнах проносились лица. Женщина прижимала ребёнка к стеклу. Старик с медалью стоял в проходе, держась за верхнюю полку. Парень без клетки смотрел в дверь, сжав пустые руки. Потом мелькнуло лицо Марии, уже дальше, за следующим окном. Она что-то сказала, но Вера не услышала.

Снег летел в лицо. Под ногами блестели рельсы. Вера пробежала ещё несколько шагов, пока вагон не набрал ход. Солдат схватил её за шинель сзади и резко дёрнул.

— Под колёса хотите?!

Она вырвалась не сразу. Потом остановилась.

Последний вагон прошёл мимо, на его задней стенке горел красный огонёк. Он дрогнул в снежной мгле, стал маленьким, ушёл за склады и исчез.

На платформе осталась грязная вода, раздавленный чемодан с вывалившимися детскими вещами, одна шерстяная варежка. У стены плакал мальчик, которого Вера вытащила из давки, — теперь он держался за мать обеими руками, и шарф размотался по снегу.

У медицинского поста работали санитары. Раненого милиционера вели к машине, закрыв щеку бинтом. Санитар с укушенной рукой сидел на ящике, бледный и неподвижный; вокруг него никого не подпускали. Мужчину в расстёгнутом пальто Вера не видела. Только на досках у опрокинутого стула темнели следы, которые санитары заливали чем-то из металлического ведра.

Громкоговоритель снова ожил:

— Граждане, сохраняйте спокойствие. Происшествие локализовано. Посадка остальных групп производится по распоряжению начальника пункта. Просьба не покидать территорию без разрешения.

Люди слушали и не верили. Одна женщина требовала открыть вагон, хотя эшелон уже ушёл. Мужчина в шинели кричал, что его сестру отправили без него. Кто-то говорил, что это нападение бандитов. Кто-то — что на станции тиф. Слово «карантин» повторяли всё чаще, но каждый вкладывал в него своё.

Вера пошла к регистрационному навесу.

Там было почти пусто. Столы торопливо складывали. Списки убирали в ящики. Тот самый худой регистратор стоял у грузовика и спорил с офицером.

— Где маршрут эшелона сорок второго? — спросила Вера.

Регистратор обернулся.

— Товарищ лейтенант, я не знаю.

— Где начальник пункта?

— Не знаю.

— Кто знает?

— Вам же сказали, маршрут меняется.

Вера схватила его за рукав.

— В эшелоне моя мать. Мария Ильинична Соколова. Вагон шестой. Куда он идёт?

Регистратор побледнел.

— Отпустите.

— Отвечайте.

— У меня нет маршрута! Поезда уходят по закрытым распоряжениям. Я только сажаю людей по спискам.

Вера разжала пальцы.

На столе лежал мокрый лист, прижатый чернильницей. Наверху крупно, неровно было выведено:

ЭШЕЛОН 42 ОТПРАВЛЕН: 05:37

Она смотрела на цифры, пока чернила не начали расплываться от падающего снега.

— Лейтенант Соколова?

Голос прозвучал сзади.

Вера обернулась. Перед ней стоял капитан МГБ в промокшей фуражке. Она не знала его. За капитаном ожидала чёрная машина с работающим мотором.

— Да.

— По распоряжению майора Левина вы должны немедленно следовать со мной.

— Нет.

Капитан моргнул.

— Что?

— Сначала вы дадите мне маршрут сорок второго.

— У меня нет таких сведений.

— Тогда свяжитесь с тем, у кого есть.

— Лейтенант, у нас чрезвычайная ситуация.

— У меня мать в этом эшелоне.

Капитан посмотрел на уходящие за складами пути, потом на неё. На лице у него не появилось сочувствия; возможно, оно было, но времени на него не осталось.

— Я понимаю.

— Нет.

— Приказ майора Левина. Немедленно.

Вера сжала мокрый лист так, что бумага порвалась по сгибу.

— Куда?

— В служебный сектор. В машине объяснят.

— Я никуда не поеду, пока не узнаю, куда отправили эшелон.

Капитан понизил голос:

— Если хотите потом искать свою мать, вам придётся сейчас ехать.

Это не было обещанием. Это было сказано ровно, почти бесцветно. Но Вера услышала в словах не ответ, а приказ, прикрытый возможностью.

Она посмотрела на лист в своей руке.

Эшелон 42. Отправлен: 05:37.

Мария была жива, когда закрылась дверь вагона. Стояла в проходе, держалась за ремень саквояжа, кричала ей не бежать за поездом.

Больше Вера не знала ничего.

Она сунула мокрый обрывок в карман, застегнула шинель до горла и пошла к чёрной машине, не оглядываясь на пустеющий путь.

Номер сорок два остался единственной ниткой, которую она успела удержать.

Глава 5

Чёрная машина шла по ещё тёмной Москве без сирены, но ей уступали. Неохотно, с запозданием, впритирку к сугробам, которые за ночь успели стать серыми, рыхлыми, пропитанными грязной водой. Вера сидела на заднем сиденье, не снимая пальто. На коленях у неё лежал сложенный вчетверо лист — единственное, что осталось у неё от станции, кроме запаха пара, угля и чужого страха.

Эшелон 42. Отправление: 05:37.

Цифры не менялись, сколько ни смотри.

Капитан сидел рядом с шофёром, прямой, в застёгнутой до горла шинели. Он ни разу не обернулся. Машина тряхнулась на рельсах, пересекла пустую улицу, где у трамвайной остановки стояли люди с узлами и чемоданами. Трамвай подошёл с опозданием, тяжело звякнул, и никто не двинулся к дверям. Все смотрели на санитарный автомобиль, припаркованный у дома напротив.

На его задних окнах были опущены плотные шторы.

Вера развернула лист.

— Куда ушёл сорок второй?

Капитан медленно повернул голову.

— Мне не сообщили маршрут.

— Вам приказали забрать меня со станции. Вам должны были сообщить хотя бы направление.

— Мне сообщили место назначения для вас, товарищ лейтенант.

— Я не спрашиваю о себе.

Он посмотрел на бумагу у неё в руках. На мгновение в его лице появилось что-то усталое, почти человеческое, но тут же исчезло.

— Номер отправления зафиксирован, — сказал он. — Это уже больше, чем есть у многих.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Вера сложила лист снова, тщательно совместив края. Бумага была влажной в сгибах: она не помнила, когда успела сжать её так сильно.

За стеклом проплывали фасады, знакомые до бессмысленности. Булочная с закрытыми ставнями. Афишная тумба, заляпанная талым снегом. Дворник в ватнике, отгонявший метлой чёрную воду от подъезда. У одного из домов стояли двое солдат с повязками на руках; они проверяли документы у женщины в мужском пальто. Женщина держала ребёнка, завернутого в одеяло, и ребёнок не плакал — только смотрел поверх её плеча.

У перекрёстка машина притормозила. Впереди медленно тянулась колонна грузовиков. На брезенте двух машин белели нанесённые кистью красные кресты. На третьей крестов не было, зато в кузове стояли деревянные ящики, обитые железной полосой.

Вера спросила:

— Это «Вектор»?

— Нет.

— Тогда что?

Капитан не ответил.

Она откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза. Перед ней сразу возникла мать — не такой, какой Вера видела её в последний раз, в дверях шестого вагона, а домашней: в халате, с заколотыми волосами, наклонившейся над столом. Мария всегда держала медицинский сак-

воляж собранным. Вера прежде считала это профессиональной привычкой. Теперь сакволяж уехал с ней, в неизвестность, и эта мелочь стала единственным доводом против паники.

Мать жива. Она была в сознании. Она знала, что делает.

Не бежать за поездом.

Вера открыла глаза.

Машина свернула в сторону, где город уже редел. Дома стали ниже, между ними проступили заборы, складские ворота, пустые участки с чёрными деревьями. На воротах впереди не было вывески. Только маленькая табличка из тёмного металла: «Проезд запрещён». За ней стояла кирпичная стена, слишком высокая для обычной больницы.

Шофёр посигналил один раз.

Ворота открылись внутрь.

Первый часовой проверил документы через опущенное стекло. Второй заглянул в салон, задержал взгляд на Вере, сверил её лицо с пропуском и отступил. Машина въехала во двор.

Объект выглядел старым госпитальным корпусом, который много лет перестраивали, не решаясь снести. Главное здание было трёхэтажным, с белёными стенами и тёмными окнами. К нему примыкали низкие кирпичные пристройки, между которыми шли закрытые переходы. На крыше стояли антенны и тонкие трубы. В одном окне горел жёлтый свет, в другом мелькнула фигура в белом халате.

Во дворе было больше охраны, чем у Лубянки в обычное утро.

У бокового входа разгружали ящики с красными крестами. Двое санитаров в длинных резиновых перчатках переносили брезентовые носилки к машине с закрытыми окнами. На носилках кто-то лежал, укрытый до подбородка. Из-под одеяла виднелась только мужская рука, стянутая ремнём к металлической раме.

Дверь корпуса открылась.

Изнутри донёсся короткий крик — хриплый, сорванный, больше похожий на приступ боли, чем на просьбу о помощи. Его тут же оборвали: дверь захлопнули.

Вера взялась за ручку.

— Не трогайте ничего голыми руками, — сказал капитан.

Она посмотрела на него.

— Я знаю, как передаётся инфекция.

— Тогда вам будет проще пройти осмотр.

— Где майор Левин?

Капитан вышел первым. Морозный воздух ударил в лицо, пахнул мокрой шерстью, выхлопом и хлоркой. Он обошёл машину, придержал дверцу. У крыльца их ждал худой мужчина в белом халате поверх серого костюма. На халате темнело пятно возле кармана, и мужчина машинально прикрывал его ладонью.

— Лейтенант Соколова? — спросил он.

— Где майор Левин?

— Майор находится в лабораторном блоке. Он ожидает вас после осмотра.

— Я должна говорить с ним сейчас.

— Сначала осмотр.

— У меня нет времени.

Мужчина посмотрел на капитана, потом на неё.

— У вас был контакт со станцией сбора, где зарегистрированы случаи заражения. Обязательная процедура, товарищ лейтенант.

— У меня не было контакта с заражённой кровью.

— Это выясним.

— Я уже сказала.

— И всё же выясним.

Капитан отвёл взгляд. Вера поняла: спорить здесь можно было сколько угодно, но двери от этого не откроются.

— Как вас зовут? — спросила она у мужчины.

— Врач Орлов. Идёмте.

— Если это способ задержать меня...

— Это способ убедиться, что вы не принесёте инфекцию туда, где уже достаточно больных.

Он сказал это без угрозы. Почти устало. Оттого спорить стало труднее.

Внутри было жарко. Воздух пах спиртом, хлорной известью, лекарствами и перегретой проводкой. В коридоре, отделённом стеклянной перегородкой, стояла каталка с привязанными ремнями. На подоконнике лежали сложенные марлевые повязки, в углу гудел электрический обогреватель. По стенам шли таблички: «Блок Б», «Карантин», «Посторонним вход запрещён». На одной двери красной краской было написано: «Биоматериал. Не вскрывать».

Сотрудники проходили мимо быстро и молча. Некоторые были в халатах, некоторые — в шинелях с медицинскими сумками. Никто не смотрел ей в лицо дольше необходимого.

Орлов провёл её в небольшой кабинет. Металлический стол, клеённая кушетка, шкаф с пузырьками и ампулами, раковина, высокий табурет. У окна сидела медсестра лет сорока в очках с тонкой проволоочной дужкой. Её халат был чистым только на плечах; на рукавах виднелись серые разводы. На краю стола стояла кружка с чаем, покрытым тёмной плёнкой.

Медсестра поднялась.

— Пальто снимите, пожалуйста.

Вера не двинулась.

— Сначала скажите, где проходит сорок второй эшелон.

Орлов снял очки, протёр их платком.

— У меня нет этой информации.

— У кого есть?

— У майора Левина. Вероятно, у транспортного отдела.

— Вероятно?

— Товарищ лейтенант, я не занимаюсь эвакуационными маршрутами.

— А чем вы занимаетесь?

— Тем, чтобы люди, которых привозят сюда после таких станций, не становились причиной новых заражений.

Он говорил спокойно. За стеной щёлкнул телефон. Медсестра поправила очки, посмотрела на Веру с неловким сочувствием и повторила:

— Пальто.

Вера сняла его. Повесила на спинку стула, не отдавая в руки. Орлов записал что-то в бланке.

— Раны, порезы, уколы за последние сутки?

— Нет.

— Контакт с кровью?

— Нет.

— Слюна на глаза, рот, нос?

— Нет.

— Укус?

— Нет.

— Вы были рядом с человеком, у которого были судороги, спутанность речи, приступ агрессии?

— На станции были десятки людей. Я не прикасалась к ним.

— К вам прикасались?

Она вспомнила толчки, чужие локти, руку, скользнувшую по рукаву. Пар над платформой. Женщину, которая падала между людьми. Мать, исчезающую за дверью вагона.

— Не знаю.

Орлов поднял на неё взгляд.

— Это не ответ.

— Тогда запишите: не знаю.

Он записал.

Температура оказалась тридцать шесть и восемь. Пульс — слишком частым, по словам Орлова, хотя Вера не чувствовала ничего, кроме усталости. Он послушал её дыхание холодным металлическим стетоскопом, осмотрел ладони, запястья, шею. Медсестра светила ей в глаза маленькой лампочкой, просила следить за кончиком карандаша.

— Головокружение? — спросил Орлов.

— Нет.

— Тошнота?

— Нет.

Слова вылетели слишком быстро. Запах спирта от ватного тампона вдруг поднялся к горлу так резко, что Вера отвернулась.

Медсестра молча подала ей эмалированный лоток. Вера отстранила его.

— Не надо.

Орлов посмотрел внимательнее.

— Тошнота бывает по утрам?

— Бывает от запахов.

— Как давно?

— Не знаю.

— Аппетит?

— Нормальный.

— Слабость?

— Я не спала ночь.

— До этой ночи?

Вера стиснула зубы.

— Это имеет отношение к станции?

— Имеет отношение к вашему состоянию.

— Я приехала сюда не жаловаться на состояние.

— А я не предлагаю вам жаловаться. Я задаю вопросы.

Он отложил карандаш.

— Последняя менструация когда была?

Вера подняла голову.

— Что?

— Когда была последняя менструация?

— Это не имеет отношения к Nachtrot.

— К инфекции может и не иметь. К вашему состоянию — имеет.

— Говорите прямо, врач.

Орлов помолчал.

— У вас задержка?

Вера хотела сказать «нет» немедленно. Но вместо этого вспомнила календарь в кухне, оставленный на октябре. Несколько дней, которые она отметила карандашом и потом перестала считать. Сентябрьскую усталость, которой не придавала значения. Тошноту в архиве, когда вскрыли коробку с отсыревшими накладными. Она решила тогда, что это бумажная пыль и недосып.

— Возможно, — сказала она.

Медсестра переставила кружку с чаем дальше от края стола.

— На сколько? — спросил Орлов.

— Не знаю.

— Примерно.

— Две недели. Может, больше.

Орлов снова записал. Потом сказал медсестре:

— Возьмём кровь из вены. И реакцию по полному набору.

Вера протянула руку.

Игла вошла уверенно. Тёмная кровь медленно наполнила стеклянную пробирку. Медсестра прижала к сгибу локтя вату, закрепила бинтом.

— Посидите, — сказала она.

— Я не буду сидеть.

— Тогда стойте. Только не уходите.

Орлов поставил пробирки в металлический лоток. На одной наклеил узкую полоску бумаги с её фамилией. На другой уже была наклейка.

Вера увидела её раньше, чем врач накрыл лоток салфеткой.

«Соколова В. А.»

Написано аккуратным печатным почерком. Ниже стоял номер, которого она не знала.

— Откуда у вас была заготовлена пробирка? — спросила она.

Медсестра застыла.

Орлов положил ладонь на край лотка.

— Здесь заранее готовят маркировки для сотрудников, прибывающих по распоряжению.

— По какому распоряжению?

— По вашему направлению.

— Я не видела направления.

— Его передали с вашим пропуском.

— Покажите.

Орлов не ответил. Он забрал лоток и вышел в соседнюю лабораторную комнату. Дверь осталась неплотно закрытой.

Вера повернулась к медсестре.

— Где моя карта?

— У врача.

— Та, которую он заполнял сейчас.

— Она у него.

— Я видела папку на столе до того, как вошла. Где она?

Медсестра сняла очки, протёрла стекло краем халата. У неё дрожали пальцы — едва заметно, но Вера увидела.

— Товарищ лейтенант, вам лучше не трогать служебные бумаги.

— Это моя медицинская карта.

— Не всякая бумага с фамилией является личной картой.

— Тем более покажите.

В коридоре кто-то пробежал. За стеклянной перегородкой мелькнул санитар в перчатках. Медсестра сделала шаг к столу, но Вера оказалась быстрее.

Папка лежала в нижнем ящике, который закрыли не до конца. Простая картонная обложка, потемневшая на сгибах. На корешке — номер и чёрная полоса. Вера вытащила её.

Медсестра сказала тихо:

— Не надо.

Вера уже раскрыла папку.

Первая страница была свежей: направление на санитарный осмотр, дата — восьмое ноября. Ниже — её звание, фамилия, возраст. Всё это можно было собрать за полчаса.

Вторая страница была старше. Бумага желтее, машинописный текст выцвел по краям. В левом верхнем углу стояла ведомственная печать. Год — сорок девятый.

Вера прочла собственное имя.

«Соколова Вера Андреевна».

Адрес, место службы, краткая характеристика. Строка о состоянии здоровья. Потом — подчёркнутое синим карандашом слово: «наблюдение».

Она перелистнула.

Между страницами была вшита внутренняя вкладка, помеченная красной полосой. Большая часть текста оказалась заклеена широкими бумажными лентами. На свободном поле темнел штамп: «Особая папка. Не копировать».

Вера наклонилась ближе.

«Программа Колыбель».

Ниже — машинописная строка, почти стёртая от стгиба:

«Кандидатка 7. Наблюдение продолжить».

Под строкой была дата. И подпись.

Не полная. Две буквы фамилии, загнутый росчерк, знакомый ей по служебным резолюциям.

Левин.

Дверь лаборатории распахнулась.

— Товарищ лейтенант, — резко сказал Орлов.

Вера не подняла головы.

— Что такое «Колыбель»?

Орлов остановился. В его руках были две пробирки в металлической подставке. Он посмотрел на медсестру, и та опустила глаза.

— Отдайте папку.

— Что такое «Колыбель»?

— Я не могу обсуждать с вами документы, к которым у вас нет допуска.

— Там моя фамилия.

— Отдайте папку.

— Там написано: «кандидатка номер семь». Что это значит?

Орлов поставил подставку на стол. Лицо у него стало серым, усталым и старше.

— Это должен объяснить вам майор Левин.

— А вы?

— Я получил эту карту уже оформленной.

— Вы врач. Вы проводите обследование. Вы обязаны понимать, что делаете.

— Я понимаю достаточно, чтобы сказать: вам не следовало узнавать всё в таком порядке.

— Значит, я должна была не узнать вовсе?

Он не ответил.

Вера сжала папку сильнее. Картонный край врезался в ладонь.

Орлов посмотрел на пробирки, потом на неё.

— Результат подтверждён.

Она не сразу поняла, о чём он говорит.

— Что?

Медсестра шагнула к столу, но остановилась.

Орлов произнёс ровно:

— Анализ показывает беременность. По сроку — приблизительно семь или восемь недель. Для точной оценки потребуются дополнительные исследования, но ошибка маловероятна.

Вера смотрела на него.

В кабинете продолжал гудеть обогреватель. На подоконнике медленно таял кусок снега, занесённый на чьём-то сапоге. Капля сорвалась на батарею, зашипела.

— Повторите, — сказала Вера.

— Вы беременны.

— Повторите анализ.

— Мы повторили.

— Ещё раз.

— Можем повторить. Результат не изменится.

— Вы уверены?

— Да.

Она опустила взгляд на папку. Слово «Колыбель» расплзлось перед глазами чёрными буквами. Кандидатка 7. Наблюдение продолжить.

Семь или восемь недель.

Вера знала, что в эти недели делала. Дежурила в управлении. Ездила в архив. Возвращалась домой поздно. Спорила с матерью из-за того, что та снова взяла ночную смену. Жила в собственной квартире, ходила по знакомым улицам, отвечала на служебные звонки. Ничего в этой цепочке не содержало ответа. Ничего, что она могла бы назвать согласием.

Она подняла голову.

— Что вы со мной сделали?

Медсестра тихо втянула воздух.

Орлов закрыл глаза на секунду, потом снял очки.

— Я не участвовал в принятии решений.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

— Вы брали у меня кровь раньше?

— Не я.

— Вы меня осматривали?

— Нет.

— Кто?

— Вам должен объяснить майор Левин.

— Он подпись поставил.

Орлов не стал отрицать.

— Да.

Вера положила карту на стол так, что бумага хлопнула о клеёнку.

— Где он?

— Лабораторный блок, второй этаж.

— Я не закончила осмотр.

— Осмотр закончен.

— Нет. Вы не осмотрели меня на предмет того, что, по вашим бумагам, уже сделали.

Орлов выпрямился.

— Товарищ лейтенант, если вы сейчас пойдёте к майору, я не смогу остановить вас. Но прошу: не ходите одна по коридорам карантинного сектора. Дождитесь сопровождающего.

— Я не пациентка.

— Сейчас вы человек, который может быть истощён, обезвожен и беременен. Это медицинский факт, а не статус.

— Идите к чёрту.

Она взяла пальто, не застегнула его и вышла.

Коридор встретил её тем же запахом хлорки. Но теперь Вера замечала всё слишком отчётливо: белую шелушащуюся краску на перилах, тонкую царапину на стекле, красный след на манжете санитара, который торопливо шёл в противоположную сторону. За одной из дверей кто-то тяжело дышал — неровно, с короткими паузами. За другой слышался мужской голос, повторявший одни и те же слова. Вера не разобрала какие.

На лестнице её догнал капитан.

— Товарищ лейтенант.

Она остановилась, держась за перила.

— Вы здесь всё время были?

— Ждал распоряжений.

— Вы знали, куда меня везёте?

— На объект «Вектор».

— Вы знали, зачем?

Капитан помолчал.

— Мне не сообщили.

— Все сегодня ничего не знают.

Он посмотрел ей прямо в лицо.

— Не все, товарищ лейтенант.

Это было почти дерзостью. Или предупреждением. Вера не стала выяснять.

— Где лабораторный блок?

Капитан кивнул в конец коридора.

— Вторая лестница. Там пропуск.

— У меня есть пропуск.

— Там другой.

Он пошёл впереди. На втором этаже постовой в сером халате поверх формы сверил бумагу, которую капитан достал из внутреннего кармана, и открыл дверь ключом. За дверью было тише. Не спокойнее — тише. Здесь пахло спиртом сильнее, а ещё горячей пылью от ламповой аппаратуры.

Вдоль стен стояли металлические шкафы с пломбами. На столах за стеклом виднелись микроскопы, штативы с пробирками, ящики для предметных стёкол. В одном помещении двое лаборантов работали молча, склонившись над аппаратурой с проводами и тускло светящимися лампами. В другом мужчина в противогазной маске раскладывал бумаги в металлический лоток.

Капитан остановился перед узкой дверью без таблички.

— Здесь.

— Вы остаётесь?

— Нет.

— Почему?

— Мне приказано вернуться на станцию.

Вера посмотрела на него.

— Там ещё есть люди?

Он ответил не сразу.

— Там есть работа.

Он открыл дверь, постучал один раз и ушёл, не дожидаясь разрешения войти.

Левин сидел за столом в маленькой архивной комнате. На стенах — стеллажи с папками. На подоконнике — телефонный аппарат, рядом механические часы в чёрном корпусе. На столе

горела настольная лампа под зелёным абажуром. Свет выхватывал его руки, папку перед ним и край пепельницы, хотя сигареты в ней не было.

Он поднял глаза.

Потом увидел папку у неё в руках.

И закрыл ладонью другую — толстую, с красной полосой на обложке.

На ней было написано: «Колыбель».

— Вера Андреевна, — начал он.

Она подошла к столу и положила перед ним свою карту.

— Что такое «Колыбель»?

Левин не стал спрашивать, где она взяла документы. Не сделал вид, что не понимает. Только медленно убрал руку с папки.

— Сядьте, пожалуйста.

— Нет.

— Вы только что прошли осмотр.

— Что такое «Колыбель»?

Он посмотрел на часы. Стрелка минутной шкалы дрогнула и пошла дальше.

— Закрытая программа.

— Это я прочла.

— Она была создана после войны. На основе материалов, которые были получены в Германии и частично в Восточной Европе.

— Для чего?

— Для изучения защиты от определённых биологических угроз.

— Каких?

— Сейчас я не могу назвать вам всё.

— Почему?

— Потому что часть сведений относится не только к вам.

— Я беременна по вашей программе. Сведения относятся ко мне.

Левин опустил взгляд на её карту. Его лицо не изменилось, но Вера заметила, как пальцы его правой руки сжались на краю стола.

— Да, — сказал он. — Беременность является частью программы.

Она ждала, что после этих слов станет легче говорить. Не стало.

— Что именно вы хотите сказать?

— Я говорю, что это не случайный результат обследования.

— Когда?

— Вера Андреевна...

— Когда?

Он поднял глаза.

— Несколько недель назад.

— Где?

— Я не отвечу на этот вопрос в такой форме.

— В какой форме вы ответите?

— В той, в которой не нанесу вам дополнительного вреда.

— Вы уже решили, какой вред мне можно наносить?

Левин побледнел едва заметно. Он всегда умел держать лицо. Оттого эта малость была хуже оправданий.

— Нет, — сказал он. — И это не делает произошедшее приемлемым.

Вера взяла карту, раскрыла на нужной странице и развернула к нему.

— Кандидатка номер семь. Что это?

— Обозначение в программе.

— Скольких было до меня?

Он не ответил.

— Скольких?

— Я не буду давать вам цифры, смысл которых вы сейчас не сможете проверить.

— Значит, были.

— Да.

Ей захотелось сесть. Не потому, что ноги не держали, — они держали. Просто в комнате стало мало воздуха, а на спинке стула висела чужая шинель, и Вера вдруг подумала, что не имеет права касаться даже этого стула: всё здесь могло быть занято заранее, распределено, подписано.

Она не села.

— Кто дал согласие?

Левин молчал.

— Говорите прямо.

— Формального согласия с вашей стороны не было.

— Тогда кто дал?

— На это я сейчас не отвечу.

— Моя мать?

Его пауза длилась меньше секунды. Но Вера увидела её.

— Я не могу обсуждать роль вашей матери без подтверждённой связи с ней.

— Она знала?

— Я не знаю, что именно ей было известно на сегодняшний день.

— Вы лжёте.

— Нет. Я выбираю слова.

— Это одно и то же, когда человек прячет ответ.

Левин выпрямился.

— Послушайте. Я не буду вам лгать. Я не знаю, где сейчас Мария Сергеевна. Эшелон ушёл по маршруту, который был изменён уже после отправления. Я пытаюсь получить сведения.

— Не о матери. О программе.

— Я участвовал в ней.

— Как?

— Как сотрудник, который подписывал распоряжения, получал материалы, контролировал допуски и пытался ограничить круг людей, имеющих к вам доступ.

— Вы подписали?

— Да.

— Вот здесь?

Он посмотрел на подпись.

— Да.

— Зачем?

Левин провёл ладонью по лицу. Жест был быстрым, почти незаметным; Вера никогда прежде не видела у него такой усталости.

— Потому что в тот момент мне представили выбор между двумя решениями. Одно из них давало мне возможность следить за тем, что происходит. Второе передавало вас людям, которые не сочли бы нужным оставлять вам даже эту возможность.

— Вы подписали вместо меня.

— Да.

— Вы решили, что можете.

— Я решил, что смогу вас защитить.

— От кого?

— От тех, кто считал вас материалом.

— А кем считал меня вы?

Левин посмотрел на папку с красной полосой. Потом на неё.

— Человеком, которого я не сумел защитить правильно.

Она стояла неподвижно. Это признание не было облегчением. В нём не было ни ответа, ни извинения, которое можно принять или отвергнуть. Только ещё одна закрытая дверь.

— Вы знали, что я не помню? — спросила Вера.

— Да.

— Почему я не помню?

— Не всё было сделано так, как должно было быть.

— Что было сделано?

— Я не могу...

— Не можете или не хотите?

Телефон зазвонил.

Левин снял трубку сразу.

— Левин слушает.

Он слушал молча. Вера видела, как его взгляд остановился на стене за её плечом.

— Когда поступило? — спросил он.

Пауза.

— Подтверждено?

Ещё пауза.

— Нет. Никаких самостоятельных действий. Изолировать помещение, людей не выпускать до прибытия группы. Если была кровь — отдельно всех, кто контактировал. Да. Я сказал: отдельно. И не применять оружие, пока нет прямой угрозы.

Он положил трубку.

Вера не спросила, что произошло. Ей было всё равно — на одну секунду. Потом стало не всё равно, потому что за этой дверью, за стенами «Вектора», существовала Москва, а в Москве мог оказаться след эшелона.

— Где сорок второй? — спросила она.

— Не знаю.

— Вы обещали не лгать.

— Я сказал правду.

— У вас есть данные.

— У меня есть неполные сводки.

— Покажите.

— Не сейчас.

— Почему?

— Потому что они меняются каждые двадцать минут, а часть из них ложная.

— Лучше ложная сводка, чем никакой.

— Иногда ложная сводка ведёт людей прямо туда, откуда они не вернутся.

— Моя мать в одном из этих эшелонов.

— Я знаю.

— Нет. Вы знаете номер в журнале. Мою мать вы видели два раза и оба раза говорили с ней так, как говорят с человеком, которому уже отведена роль.

Левин замер.

Вера почувствовала, что попала в точку, хотя не знала, какую именно.

— Почему её включили в распоряжение раньше остальных? — спросила она. — Почему в списках она была до станции? Почему мне ничего не сказали?

— Это связано с работой, которую она выполняла.

— С «Колыбелью»?

— Частично.

— Значит, она знала.

— Я сказал: я не знаю, что именно ей было известно.

— Удобная фраза.

— Это единственная честная фраза, которую я могу дать вам сейчас.

Она посмотрела на толстую папку под его рукой.

— А там что?

— Материалы программы.

— Я хочу их прочесть.

— Нет.

— Почему?

— Потому что там есть данные, которые могут повредить вам и другим людям.

— Я уже пострадала.

— Я понимаю.

— Нет, не понимаете.

Он кивнул, не споря.

За дверью послышались быстрые шаги. Кто-то остановился, постучал. Левин сказал:

— Позже.

Дверь приоткрылась. Молодой сотрудник в помятом халате просунул внутрь голову.

— Товарищ майор, из транспортного отдела передали уточнение по западному направлению. И ещё радиограмма из Бреста.

— Оставьте.

Сотрудник положил на край стола узкую ленту телеграфной бумаги и серую папку. Его взгляд скользнул по Вере, по карте в её руках, по папке «Колыбель». Он быстро ушёл.

Левин взял ленту.

Вера ждала.

Он прочёл первые строки. В его лице ничего не дрогнуло.

Прочёл дальше — и пальцы на бумаге побелели.

— Покажите, — сказала Вера.

— Нет.

— Это про сорок второй?

— Я не знаю.

— Тогда почему вы так смотрите?

Он сложил ленту вдвое.

— Потому что это касается не только вашей матери.

— Что там?

— Новый очаг на товарной станции. Перехвачены документы, связанные с немецкой сетью. Есть сведения о нескольких составах, которые могли быть отмечены заранее.

— Отмечены кем?

— Я выясню.

— А я?

Левин положил радиограмму на стол, прижал ладонью.

— Вы останетесь здесь до вечера.

Вера коротко усмехнулась, без веселья.

— Это приказ или просьба?

— Приказ я могу оформить. Но я прошу.

— Зачем?

— Потому что вы видели бумаги курьера и занимались накладными. Вы заметили несоответствия, которые другие пропустили. В «Векторе» сейчас собирают документы с нескольких направлений. Возможно, вы сможете увидеть связь.

— Вы хотите посадить меня за работу.

— Я хочу дать вам возможность получить сведения, которых вы требуете.

— В обмен на что?

— Не в обмен. Мы оба заинтересованы в том, чтобы найти маршрут.

— Не ставьте нас рядом.

— Хорошо. Вы заинтересованы в том, чтобы найти вашу мать. Я заинтересован в том, чтобы остановить то, что уже вышло за пределы одной станции.

Вера подошла к окну. За стеклом лежал внутренний двор. Санитарная машина, которая стояла у входа, уже уехала. На её месте остались мокрые следы шин. Солдат у ворот курил, прикрывая спичку ладонями. В дальнем корпусе погас свет в одном окне и сразу загорелся в другом.

Мать ехала где-то на запад или на север, или уже свернула на ветку, которой не было на гражданских картах. Вера не знала, в каком вагоне она теперь сидит, есть ли рядом вода, слышит ли Мария стук колёс, держит ли свой саквояж на коленях. У неё не было ни направления, ни фамилии начальника эшелона, ни станции назначения.

Зато здесь, в комнате с папками, лежали люди, которые решали, что ей знать.

Она повернулась.

— Условия.

Левин выпрямился.

— Я слушаю.

— Никакой лжи о Марии. Если поступает любая сводка по сорок второму, я вижу её первой.

— Вы увидите её сразу, как только я смогу подтвердить, что она не поставит под угрозу операцию.

— Нет.

— Вера Андреевна...

— Вы спросили условия. Я сказала.

Он посмотрел на неё долго, потом кивнул.

— Я буду показывать вам всё, что касается эшелона и что находится у меня.

— Не «будете». Покажете.

— Покажу.

— Второе. Никаких осмотров, процедур, анализов, решений обо мне без моего прямого согласия.

Левин отвёл взгляд.

— В условиях карантина я не могу гарантировать отсутствие обязательных осмотров.

— Если это осмотр на инфекцию — врач скажет мне зачем и что берёт. Если это «Колыбель» — без меня ничего не происходит.

— Я сделаю всё, чтобы это правило соблюдалось.

— Это не ответ.

— Я не обладаю здесь абсолютной властью.

— Зато вы подписываете бумаги.

Он принял удар молча.

— Я распоряжусь, чтобы без вашего ведома никто не проводил процедур, не связанных с непосредственной санитарной необходимостью, — сказал он наконец. — И чтобы любые такие распоряжения проходили через меня.

— Через меня.

- Через вас и через меня.
- Третье: доступ к документам по курьеру.
- В пределах допуска.
- Мой допуск вы тоже решили за меня?
- Нет. Ваш допуск уже был.
- Когда?
- Позже.

Вера подошла к столу. Положила ладонь на папку «Колыбель». Левин не убрал её руку и не попытался отодвинуть папку. Лампа освещала её пальцы, бледные после холода и бессонной ночи.

— Я останусь до вечера, — сказала она. — Потом вы дадите мне всё по сорок второму. Все сводки. Все изменения маршрута. Без вырезанных строк.

- Хорошо.
- И я не прощаю вас.
- Я не прошу.
- Не просите ничего, чего не можете получить.

Левин кивнул.

В дверь снова постучали, теперь настойчивее. За ней раздался голос:

— Товарищ майор, лаборатория просит вас немедленно. Там новый образец. И телеграфисты ждут ответа по Бресту.

Левин взял папку «Колыбель», но Вера накрыла её ладонью прежде, чем он успел убрать её в ящик.

- Она остаётся здесь, — сказала она.
- Нет.

- Тогда я иду с вами.
- В лабораторию нельзя.
- Вы обещали доступ.

— Я обещал документы по эшелону и материалы, с которыми вы сможете работать. Не допуск в заражённый блок.

- Там заражённые?
- Там биологический материал.
- Он не передаётся по воздуху.
- Я знаю. Но это не делает лабораторию безопасным местом.

Вера убрала руку. Левин взял папку, однако не стал прятать её в ящик. Положил сбоку, поверх радиограммы.

— Вам подготовят комнату в административном корпусе, — сказал он. — Принесут документы курьера и транспортные журналы. Орлов зайдёт позже. Ему нужно убедиться, что вы пьёте воду и не падаете в обморок из принципа.

- Я не падаю в обморок.
- Надеюсь.

Он направился к двери, потом остановился.

— Вера Андреевна.

Она не ответила.

- Я не рассчитывал, что всё останется скрытым.
- Нет, — сказала она. — Вы рассчитывали, что успеете решить, когда мне можно знать.

Он медленно кивнул.

— Да.

Телефон на подоконнике зазвонил снова. Резко, требовательно.

Левин снял трубку. Его голос стал служебным:

— Левин.

Вера взяла со стола свою карту. Бумага дрогнула у неё в пальцах, и она сжала её крепче.

— Говорите, — сказал Левин в трубку.

Он слушал, и в комнате снова появились только часы, лампа, папки и утренний свет за окном. Потом его взгляд упал на Веру.

— Понял, — произнёс он. — Передайте: документы не уничтожать. Никого не выпускать. Я буду через пять минут.

Он положил трубку.

— Что там? — спросила Вера.

Левин не ответил сразу.

На столе между ними лежала папка с красной полосой. «Колыбель».

— Это касается не только вашей матери, — сказал он.

Вера посмотрела на папку, потом на него.

— Тогда перестаньте решать за меня.

Глава 6

Вера проснулась оттого, что кто-то прошёл по коридору слишком быстро.

Шаги затихли за матовым стеклом двери, потом послышался приглушённый голос, скрипнула тележка с колёсами, и опять стало тихо. Не по-настоящему тихо — в здании работали трубы, где-то щёлкнул телефонный аппарат, за стеной коротко звякнул металл. Но эти звуки не требовали от неё ответа.

Она лежала поверх чужого одеяла, не раздеваясь. Китель был расстёгнут у горла, ремень лежал на стуле рядом с сумкой. Сапоги стояли у койки, носками к двери. На левом сапоге засох серый полукруг — грязная вода, которую она принесла со станции. Вера смотрела на этот след, пока он не перестал быть следом и не стал просто пятном.

За окном медленно серело. В узкой полосе между двумя корпусами «Вектора» виднелась кирпичная стена, чёрная водосточная труба и край голой ветки. Снега ещё не было, но утро выглядело зимним: белёсым, сырым, без цвета.

На тумбочке стоял стакан воды и стакан с чаем. Чай остыл так давно, что на поверхности появилась тонкая плёнка. Рядом лежал лист, который она несколько раз складывала и направляла за ночь.

Эшелон 42.

Отправление: 05:37, 8 ноября.

Вагон шестой.

Фамилия: Соколова Мария Павловна.

Вера взяла лист двумя пальцами, проверила загнутый угол, разгладила его ладонью. Бумага была тонкая, служебная, с неровным машинописным текстом. Ничего в ней не обещало, что мать найдётся. Ничего не говорило даже о том, куда ушёл эшелон. Только номер, время, вагон.

Она закрыла глаза и сразу увидела другое: тёмное окно, исцарапанное грязью; материнскую ладонь с растопыренными пальцами на стекле; лицо, которое мелькнуло между головами, шарфами, чужими плечами. Потом поезд дёрнулся, толпа подалась вперёд, и Веру отрезало от вагона людской спиной, железным перилом, криками.

Она открыла глаза.

Внутри сумки лежало удостоверение. Вера вынула его, раскрыла. Фотография была сделана два года назад: гладко зачёсанные волосы, прямой взгляд, слишком ровные губы. Лейтенант государственной безопасности Вера Андреевна Соколова. Она задержала большой палец на печати, потом убрала удостоверение обратно.

Пистолет она разобрала на коленях почти машинально. Проверила обойму. Семь патронов. Ещё один в ствол не досылала. Запасная обойма — в боковом кармане сумки. Она пересчитала патроны дважды, хотя знала их число с первого раза, протёрла ладонью холодный металл и собрала оружие.

В дверь постучали.

— Войдите.

Дверь приоткрылась. На пороге стоял врач из вчерашнего кабинета — тот самый, с сухими руками и усталым лицом, которое не менялось, когда он сообщал человеку то, чего тот слышать не хотел. Сегодня поверх белого халата на нём был серый шерстяной жилет. За его плечом мелькнула медсестра с металлическим лотком.

— Доброе утро, лейтенант Соколова, — сказал врач.

— Утро.

Он вошёл, не приближаясь к койке без необходимости. Медсестра поставила лоток на тумбочку. На нём лежала ампула, градусник и маленькая бутылка с мутноватой жидкостью.

— Вам нужно выпить воды, поесть хотя бы немного и прийти на повторный анализ до полудня.

— Нет.

Врач посмотрел на неё без раздражения.

— Это не просьба, связанная с распорядком учреждения. После вчерашнего осмотра мы должны исключить осложнения.

— Исключайте без меня.

— Это невозможно.

Вера села, поставила ступни на холодный пол. Голова отозвалась тупой тяжестью, но она не дала себе задержаться на этом ощущении.

— Почему вы говорите так, будто я соглашусь здесь остаться?

Врач чуть помедлил. Медсестра опустила глаза на лоток.

— Вы вольны покинуть объект, лейтенант Соколова. Вам никто не объявлял задержание.

— Вольна?

— Да.

— И за воротами меня пропустят?

— В городе вводятся ограничения. Проверяют документы, отдельные районы перекрывают, на вокзалах усилены санитарные посты. Это касается всех.

— А наблюдение за моим состоянием касается не всех.

— Нет, — ответил врач. — Не всех.

Он говорил ровно, без притворного сочувствия. За это Вера почти была готова уважать его.

— Я не буду принимать никаких препаратов без объяснения, — сказала она.

— Согласен. Это раствор глюкозы с аскорбиновой кислотой. Вы почти не ели. У вас признаки обезвоживания.

— Анализ крови?

— Только если вы разрешите.

Она посмотрела на него. Врач не отвёл взгляд.

— Вчера вы брали кровь.

— Вчера у нас был общий допуск на осмотр. Сегодня — нет.

Вера взяла бутылку, прочла этикетку. Печатные буквы расплывались на секунду, пришлось моргнуть. Глюкоза. Аскорбиновая кислота. Дата. Номер партии.

— Оставьте.

Медсестра молча забрала лоток, оставив бутылку и градусник. На выходе она вдруг остановилась.

— Каша в столовой до девяти, товарищ лейтенант, — сказала она тихо. — Если захотите, я принесу сюда.

Вера кивнула, не обещая ничего.

Когда дверь закрылась, она снова взяла лист об эшелоне. На обороте карандашом было выведено: «Сведения уточняются». Почерк принадлежал не Левину. Жёсткие наклонные буквы, сильно продавленные в бумагу.

Сведения уточняются.

Это означало, что кто-то знает больше, чем написал. Или что никто не знает ничего.

Часы на стене показывали без двадцати восемь. Вера поднялась, застегнула китель до конца и надела ремень. В зеркальце над умывальником отразилось лицо с серыми тенями под глазами. Она умылась ледяной водой, не вытирая шею полотенцем до конца, и взяла сумку.

В коридоре пахло хлоркой, спиртом и вчерашним табаком. У стены стоял металлический шкаф с красным крестом, рядом — два стула, на которых никто не сидел. Дежурный у дальнего поста поднял голову, увидел её удостоверение в руке и кивнул.

Никто не остановил её.

Свобода, подумала Вера, в этом здании выглядела как коридор, по которому можно идти только в ту сторону, где тебя уже ждут.

Кабинет Левина находился на втором этаже, за поворотом от рентгеновской. Дверь была открыта. Он сидел за столом в той же тёмной гимнастёрке, что и ночью, только без кителя. На подоконнике дымился стакан крепкого чая. Пепельница была полна окурков.

Левин поднял на неё глаза.

— Вы рано.

— Вы обещали материалы.

— Обещал.

Он протянул руку к закрытому металлическому шкафу, достал ключ из ящика стола, открыл. Внутри стояли папки одинакового серо-зелёного цвета. Он вынул одну, положил перед Верой.

На обложке стоял гриф: «Для служебного пользования. Особый порядок». Ниже от руки было дописано: «Курьер. Материалы по задержанию».

— Часть листов изъята, — сказал Левин. — Я не буду выдавать это за полный доступ.

— Что изъято?

— Оригинал микрофильма, протокол внутреннего допроса до ухудшения состояния задержанного и данные по нескольким адресам.

— Почему?

— Потому что не все эти данные находятся в моём распоряжении.

— А те, что находятся?

— Перед вами.

Вера села напротив. Левин не предложил ей чаю, и она была благодарна за это: любой жест заботы сейчас выглядел бы оскорблением.

В папке сверху лежала копия протокола задержания. Бумага ещё пахла копиркой.

«8 ноября 1950 г., 02 ч. 14 мин. Район товарной ветки, участок между складом 3 и путепроводом...»

Далее шли сухие строки: неизвестный мужчина, предположительно немец, без удостоверяющих документов, при задержании оказал сопротивление; при досмотре обнаружены ложные накладные, железнодорожные коды, ключ от камеры хранения, таблетница, обрывок фотоплёнки.

Вера пролистнула страницу.

На фотокопии лежали два листа грузовых накладных. Штампы были смазаны, номера частично закрашены тушью, но серию она узнала сразу.

Она наклонилась ниже.

— Откуда это?

— Из вещей курьера.

— Я вижу.

На листе значилось: «Техническое стекло. Тридцать ящиков». Получатель — московское снабженческое управление, адрес несуществующего склада. Внизу — номер партии: 4-17/Б. Серия бланка: ТЖ-09, подсерия 36.

У Веры пересохло во рту.

Вчера утром, ещё до станции, до паники, до чужой крови на полу Лубянки, она разбирала дело о пропавших железнодорожных бланках. Десятки чистых накладных исчезли из районной конторы. Тогда это казалось мелкой, неприятной работой: халатность, хищение, возможно, кто-то гонял дефицитный товар мимо учёта. Она заметила, что пропали не все бланки подряд, а листы из нескольких конкретных пачек. В одной из них была серия ТЖ-09, подсерии с тридцать второй по сорок первую.

Она подняла голову.

— Эти бланки числились утраченными.

— Какая именно серия?

— ТЖ-09. Подсерия тридцать шестая. Утром я запросила районную контору. Они прислали опись. Их печать совпадает по форме, но не по составу краски.

Левин подался вперёд.

— Вы уверены?

— Я не буду говорить, если не уверена.

Она придвинула фотокопию к настольной лампе. Печать действительно была похожа на подлинную: круг, звезда, буквы по краю. Но в настоящей печати, которую она видела на описи, буква «Ж» в слове «железнодорожный» имела короткий верхний штрих. Здесь штрих был длиннее и толще. Подделка была сделана с хорошего оттиска, но не с оригинала.

— Накладную печатали не в конторе, — сказала Вера. — Пишущая машинка другая. У них «е» даёт выбитый край справа. Здесь ровно. И бумага не та.

— Бумага?

— В районной конторе бланки сероватые, с волокном. Эти слишком белые. Если это копия, разница могла уйти. Но номерная серия осталась.

Левин молчал, пока она листала дальше.

Следующий лист был обрывком накладной, вырезанным неровно, возможно, изорванным при обыске. На нём сохранились только графы «отправитель», «вес» и кусок маршрута. В графе отправителя стояли две буквы: «В. К.». Внизу — карандашная пометка по-немецки.

Voraus durch Brest.

Вера знала немецкий хуже, чем Левин, но смысл поймала.

— Через Брест? — спросила она.

— «Вперёд через Брест» или «предварительно через Брест». Формулировка не вполне ясна.

— Это не маршрутный штамп.

— Нет.

На следующей странице лежал список железнодорожных кодов. Москва, Смоленск, Орша, Брест. Несколько цифр были обведены красным карандашом. Рядом с Брестом стояло «Q-4». Ниже, уже другим почерком, значилось: «Sperre?».

— Карантин? — спросила Вера.

— Вероятно.

— Вероятно — это не ответ.

— Точного значения Q-4 мы пока не установили. Но в служебных сводках западных санитарных узлов встречается похожая маркировка.

Она перевернула лист. Под ним оказалась карта, снятая с какого-то старого немецкого документа. Чёрная линия шла от Москвы на запад, дробилась возле Смоленска, затем снова сходилась у Бреста. Дальше тянулась за край карты. Возле одной из веток было зачёркнуто слово, прочесть которое можно было и без усилий.

WALDHAUS.

Чернила поверх слова были свежими, густыми. Кто-то провёл по нему несколько раз, но буквы проступали.

— Что это? — спросила Вера.

— Не знаю.

— Вы не знаете или не можете сказать?

Левин посмотрел на карту.

— В данном случае — не знаю. В материалах есть название. Объяснения нет.

Она хотела спросить ещё, но увидела под картой сероватую полоску с перфорацией по краю. Микрофильм. Не сам рулон — только фотография его фрагмента. На увеличении виднелись клетки таблицы и обрывки немецкого текста. В одной колонке повторялись номера грузов. В другой — даты. В третьей были короткие отметки, часть которых закрывала чёрная полоса.

Среди них она различила фамилию, перечёркнутую почти до неузнаваемости: «Falk».

— Это кто?

— Фамилия в документах. Больше пока ничего.

Вера положила лист обратно.

— Курьер вёз не лекарства и не стекло.

— Похоже, нет.

— Он вёз маршрут.

— Похоже.

— И кто-то в Москве пользовался украденными гражданскими бланками, чтобы двигать по железной дороге то, чего не должно существовать в бумагах.

Левин кивнул.

— Мы пока не знаем, сколько звеньев в этой цепи. Возможно, часть документов была подготовлена здесь. Возможно, их просто подбросили в общий поток перевозок. Но вы были правы, когда не закрыли дело утром.

Вера не ответила сразу. От этих слов не стало легче. Её утреннее дело, затерянное среди десятков других, оказалось ниткой, которая вела к ночному курьеру, к крови на Лубянке, к немецкой бумаге и к Бресту. Но признание её правоты не возвращало ей ни одного часа, в котором она не знала, что её жизнь давно лежит в чужой папке под обозначением «К-7».

— У меня была заявка на проверку товарной ветки, — сказала она. — Её кто-то остановил.

— Я знаю.

— Кто?

— Не я.

— Это не ответ.

— Это всё, что я могу подтвердить сейчас.

Она встала так резко, что край стола качнулся. Перед глазами на мгновение потемнело. Вера опёрлась ладонью о папку, переждала слабость и только потом выпрямилась.

Левин заметил это, но не сказал ни слова.

— Данные по эшелону, — произнесла она.

Он кивнул и достал вторую папку. Эта была тоньше первой, почти пустая на вид. На обложке значилось: «Санитарно-эвакуационный поток. 08.11.1950». Номера эшелонов были вписаны от руки.

— Это всё? — спросила Вера.

— Это всё, что удалось получить к утру.

— Вы обещали доступ, а не утешительный листок.

— Я дал вам доступ к тому, что есть у меня.

— Покажите.

Левин повернул папку к ней.

Первой лежала служебная карточка: номер 42, состав — двенадцать вагонов, направление — Москва, 05:37. В графе назначения стояло: «По распоряжению штаба санитарной эвакуации». Ни города, ни станции. В графе «контрольные точки» была печать и машинописная строка: «Проверка маршрута: западный узел».

Вера листнула дальше.

Там имелся список нескольких десятков фамилий. Мария Соколова была в середине, под номером сорок семь. Возраст. Диагноз не указан. Отметка: «Эвакуация. Сопровождение не предусмотрено».

Она прочла фамилию матери дважды, хотя буквы не менялись.

— Почему не предусмотрено? — спросила она.

— Эшелон формировали в спешке. Для части пассажиров сопровождение не было решено.

— Это я уже знаю.

— Да.

Под списком лежала узкая карточка со штампом железнодорожной службы. На ней было написано всего две строки:

« 42. Западное направление. Контроль: БРЕСТ. Передача пакета — по особому каналу».

Ниже стояла дата, но не час. Рядом — подпись, неразборчивая, будто чернила размазали мокрым пальцем.

Вера коснулась слова «Брест» ногтем.

— Почему Брест?

Левин сложил руки на столе.

— Через него проходят основные железнодорожные маршруты на запад, карантинные грузы и военные линии связи. После войны там сохранилась сложная система складов, перевалочных пунктов, закрытых веток. Если эвакуационный поток выводили из Москвы по защищённому маршруту, Брест мог быть контрольной точкой.

— Мог быть.

— Да.

— А мог не быть.

— Мог.

— Эшелон уже там?

— Я не знаю.

— Он прошёл туда?

— Я не знаю.

— Он вообще вышел с первой контрольной станции?

Левин посмотрел на карточку.

— После этой отметки данные обрываются.

Вера медленно выдохнула через нос. Она не позволила себе сжать бумагу. Не потому, что берегла документ. Потому что не хотела давать ему, этому кабинету, этому человеку напротив, права увидеть, насколько легко её сейчас сломать.

— Что значит «передача пакета»?

— Не установлено.

— Не установлено у вас или у тех, кто отправлял эшелон?

— У нас.

— А у них?

— Я запросил архив штаба. Ответа пока нет.

— Кто может его остановить?

— Многие.

— Назовите.

— Нет.

Это короткое «нет» прозвучало спокойнее всего, что он говорил с утра. Вера подняла на него взгляд.

— Вы начали выполнять мои условия, майор, и тут же нашли, где оставить запертую дверь.

— Я не могу назвать людей, пока не знаю, кто из них имеет отношение к исчезновению документов.

— А я должна ждать?

— Нет. Вы можете работать с тем, что есть.

— Моя мать не «то, что есть».

Левин побледнел едва заметно. Может быть, это был только утренний свет.

— Я знаю.

— Нет. Вы знаете её фамилию в списке.

Он не стал возражать.

За дверью раздались быстрые шаги. Кто-то остановился, постучал два раза и, не дожидаясь ответа, приоткрыл дверь. На пороге появился капитан, который доставил Веру со станции. Фуражку он держал в руке. На его лице была та же служебная настороженность, что и ночью, но глаза покраснели от недосыпа.

— Товарищ майор, из западного отдела. Срочная линия.

Левин встал.

— Говорите.

Капитан протянул ему листок. Левин прочёл, и его лицо стало ещё более неподвижным.

— Я приму, — сказал он. — Свободны.

Капитан задержался на секунду, глянул на Веру, затем вышел.

— Что там? — спросила она.

— Сообщение из Бреста.

— Читайте.

— Сначала нам нужно закончить этот разговор.

— Нет. Сначала вы прочитаете.

Левин положил листок на стол, но руку не убрал.

— Послушайте. В Брестском карантинном узле произошёл инцидент с грузом, который проходил по документам, близким к тем, что мы нашли у курьера. Есть пострадавшие. Подробности пока не подтверждены.

— Заражение?

— Возможно.

— Воздушный путь?

— Нет. По предварительным данным — контакт с биологическим материалом. Один человек получил глубокую рану при задержании. Второй контактировал с кровью. Это всё, что известно.

Вера почувствовала знакомую сухость в горле. Не страх перед словом, не перед болезнью как таковой. Страх перед тем, как быстро чужая ошибка превращается в закрытый коридор, запёртую станцию, списки без назначения.

— Там есть эшелон 42?

— В сообщении нет.

— Тогда почему вы думаете, что это связано?

— Потому что на месте обнаружили номер грузовой партии 4-17/Б.

Тот же номер, что на поддельной накладной.

Вера посмотрела на фотокопию, лежавшую под лампой.

— Техническое стекло, — сказала она.

— Да.

— И какой груз был на самом деле?

— Неизвестно.

— Вы всё время говорите «неизвестно».

— Потому что я не стану заменять отсутствие данных удобной ложью.

Она усмехнулась без веселья.

— Поздно для этого.

Левин опустил руку с листка.

Несколько секунд они молчали. Из коридора доносился гул голосов, за стеной зазвонил телефон. Кто-то снял трубку, сказал: «Соединяю». Потом опять заскрипела тележка.

Вера закрыла папку с эшелонном, положила ладонь сверху.

— Теперь ответьте на другое, — сказала она.

— На что именно?

— Почему я.

Левин не шевельнулся.

— Мы уже говорили об этом ночью.

— Мы говорили, что вы поставили подпись. Это не ответ.

— Я не могу раскрыть всё, что относится к программе.

— Тогда раскройте то, что можете. Как давно за мной наблюдали?

Он сел обратно.

— После войны программа собирала данные о людях, которые могли представлять интерес для медицинского отдела. Ваше имя появилось в документах несколько лет назад.

— Сколько?

— Четыре года.

Вера кивнула, будто слышала номер дела.

Четыре года. Ей было двадцать два. Она училась, поступала на службу, жила с матерью в комнате на две семьи, спорила с Марией из-за того, что та слишком долго стоит у плиты, потому что от сырости болит спина. Всё это время кто-то заполнял карточки, ставил отметки, решал, годится ли она для чего-то, чего ей не называли.

— По каким данным?

— Медицинским. Биографическим. Служебным.

— Кто передавал?

— Я не знаю всех источников.

— Знала ли моя мать?

Левин ответил не сразу.

— Мария Павловна не давала согласия на то, о чём вы думаете.

— Это не ответ.

— Это единственное, что я могу сказать честно.

— Она знала, что меня включили в программу?

— Не могу подтвердить.

— Не можете или не хотите?

— Не могу.

Вера отвернулась к окну. На стекле лежала тонкая полоса конденсата. За ним по двору шёл санитар в белом халате, неся ящик с бутылками. Он двигался быстро, опустив голову от сырого ветра.

— Были другие кандидатки? — спросила она.

— Да.

— Шесть.

— Да.

— Что с ними?

— Я не скажу.

Она резко обернулась.

— Потому что это секрет?

— Потому что у меня нет права раскрывать чужие личные данные.

— А у вас было право распоряжаться моими?

Левин смотрел на неё прямо.

— Нет.

Это слово не прозвучало признанием, которое могло что-то исправить. Оно только легло между ними тяжёлой вещью, не сдвигая ничего с места.

— Что означает номер семь?

— Вы были седьмым случаем в рабочем списке программы.

— «Случаем».

— Формулировка документа.

— Называйте как хотите. Вы сделали из людей нумерацию.

— Да.

Вера сжала край папки. Кожа на пальцах побелела.

— Зачем?

Левин перевёл взгляд на свои руки.

— Я думал, что смогу ограничить ущерб.

Она ждала продолжения. Он не добавил ничего.

— Вы сделали меня ущербом в отчёте, — сказала Вера.

— Да.

Он произнёс это тихо, почти ровно. И от этой ровности ей захотелось ударить его — не по лицу, не потому что это что-то изменит, а чтобы на секунду вывести из его безупречной дисциплины, заставить его почувствовать простую физическую боль вместо слов, папок, подписей.

Она не двинулась.

— Вы сказали, что пытались остановить программу.

— Пытался.

— Когда?

— Когда понял, что она перестала быть исследованием и стала способом распоряжаться людьми.

— А до этого?

— До этого я убеждал себя, что контролирую последствия.

— Контролировали?

— Нет.

Вера смотрела на него долго. В его ответах не было оправдания. Но не было и полной правды. Он держал её перед собой, как дверь, которую приоткрыли ровно настолько, чтобы она увидела темноту за порогом.

— Беременность, — сказала она. — Она связана с программой. Вы это признали.

— Да.

— Что сделали со мной?

Левин медленно вдохнул.

— Я не могу сообщить вам детали, которых у меня нет подтверждённого права раскрывать.

— У вас есть право скрывать?

— Формально — да.

— А по-человечески?

Он посмотрел на неё. Впервые за всё утро в его лице мелькнуло нечто живое и плохо скрытое — усталость, стыд или страх назвать это вслух.

— По-человечески я не считаю, что имею такое право.

— Но всё равно скрываете.

— Да.

Вера взяла со стола папку курьера и папку эшелона. Она собиралась уйти, но Левин остановил её голосом.

— Послушайте. Вам не нужно принимать решения сейчас.

Она повернулась.

— Все решения уже приняли без меня.

— Не все.

— Какие остались?

Левин постучал пальцем по листку из Бреста.

— «Вектор» формирует оперативную группу. Западное направление. Нужно доставить материалы, проверить следы грузовой цепочки, установить, кто пользовался накладными, и получить доступ к архивам карантинного узла. Возможно, появятся данные по вашему эшелону.

— Возможно.

— Да.

— Вы хотите отправить меня?

— Нет.

Она не ожидала этого и потому не сразу ответила.

— Что?

— Я предлагаю вам остаться в Москве. Пройти наблюдение, восстановиться, получить доступ к тем сведениям, которые сможем собрать отсюда.

— Под надзором.

— Под медицинским наблюдением.

— Назовите это как хотите.

— Я не собираюсь отдавать вам приказ.

— Почему? Потому что теперь боитесь, как это будет выглядеть?

— Потому что после всего, что вам стало известно, приказ с моей стороны был бы ещё одним принуждением.

Вера поставила папки на стол так, что нижняя ударилась углом о дерево.

— А без приказа вы считаете, что я останусь?

— Я считаю, что вы имеете право остаться.

— А если я не останусь?

— Тогда я не буду вас удерживать.

— Даже если это риск?

— Даже если.

Она подошла ближе к столу.

— В Бресте след документов курьера. Там номер партии. Там контрольная отметка эшелона. Вы только что сказали мне, что после Бреста данные обрываются. И вы предлагаете мне сидеть здесь, пока кто-то другой решит, какие страницы мне положено увидеть?

— Я предлагаю вам не ехать туда в состоянии, в котором вы сейчас находитесь.

— В каком?

— Вы не спали. Почти не ели. У вас может начаться ухудшение самочувствия. И вы знаете о своей беременности меньше суток.

— Это не медицинское заключение. Это повод убрать меня с дороги.

— Нет.

— Тогда скажите прямо: вы боитесь, что я увижу то, что вы скрыли.

Левин поднялся.

— Я боюсь, что вы окажетесь в ситуации, где никто не сможет вас защитить.

— Вы уже защищали.

Эти слова остановили его. Он выпрямился, но плечи у него на мгновение стали тяжелее.

Вера продолжила:

— Я еду.

— Вы не обязаны.

— Я не говорила, что обязана. Я сказала: еду.

Он молчал.

— Я работала с накладными, — сказала она. — Я видела серию, которую вы, вероятно, не заметили бы до вечера. Я знаю, как районные конторы оформляют документы, где подделывают печати и как прячут груз в гражданских потоках. Если номер сорок два связан с западным узлом, я буду там.

— Это может оказаться ложным следом.

— Может.

— Там может не быть сведений о вашей матери.

— Может.

— Там может быть опасно.

— Здесь тоже опасно. Только здесь у меня нет выбора.

Левин медленно сел. Он взял чистый лист из стопки, положил его перед собой.

— Если вы поедете, то на каких условиях?

Вера услышала в его вопросе не уступку. Проверку. Возможно, попытку понять, насколько далеко она готова зайти, прежде чем он снова найдёт способ решить за неё. Она не стала отвечать сразу.

— Первое. Я еду как оперативный сотрудник, — сказала она. — Не как пациентка. Не как объект. Не как «К-7».

Левин кивнул.

— Второе. Все сведения об эшелоне 42, которые появятся у группы или у вас, передают мне без задержки.

— В пределах допуска...

— Нет. Если речь о моей матери, без задержки.

— Я могу это обеспечить со своей стороны.

— Так и запишите: со своей стороны.

Он записал.

— Третье. Никаких процедур, обследований, изъятий образцов и прочего без моего прямого согласия.

— Если возникнет прямая угроза вашей жизни—

— Вы объясните, в чём она. И спросите.

Он поднял глаза.

— Хорошо.

— Четвёртое. Любые данные, касающиеся Марии Соколовой, сообщаются мне сразу. Даже если вы не можете раскрыть источник.

— Если данные будут достоверными.

— Если будут новыми.

— Вера Андреевна, непроверенная информация может быть опаснее отсутствия информации.

— Тогда вы скажете: непроверенная. Но не спрячете.

Он сжал карандаш. Потом написал ещё одну строку.

— Пятое, — сказала она. — Немецкие документы, если в них есть «Колыбель», я сама или что-либо, относящееся ко мне, вы мне показываете.

Левин положил карандаш.

— Я не могу обещать вам доступ ко всем архивам.

— Я не просила обещать за архивы. Я сказала: вы показываете.

— Если документ будет у меня и если его содержание касается вас лично, я покажу его.

— И «Колыбели».

— Если документ касается «Колыбели» и не создаёт прямой угрозы операции.

— Это слишком удобно.

— Это предел того, что я могу взять на себя без права распоряжаться чужими службами.

Вера посмотрела на лист. Пять пунктов, написанных его аккуратным почерком. Условия не возвращали ей ничего из прошлого. Не отвечали, откуда взялась беременность. Не говорили, жива ли мать. Не делали «Вектор» менее опасным местом.

Но теперь на бумаге были слова, которые он должен был нарушить открыто, если решит нарушить.

— Добавьте, — сказала она. — Если вы не можете сказать правду, вы говорите, что не можете. Без подмены.

Левин кивнул.

— Добавлю.

Он написал шестой пункт. Затем развернул лист к ней.

Вера прочла всё от начала до конца. На последней строке было: «Условия согласованы для участия лейтенанта Соколовой В. А. в оперативной поездке западного направления».

— «Согласованы»? — спросила она.

— Формулировка вам не подходит?

— Подходит. Пока.

— Подпись?

Она не взяла ручку.

— Сначала распоряжение.

Левин почти незаметно кивнул, как человек, которому напомнили очевидное.

— Разумно.

Он снял трубку телефона.

— Соедините с капитаном Гордеевым... Да, срочно.

Вера отошла к окну. Её мутило, и она не понимала, от голода ли, от усталости или от того, что её тело теперь казалось ей территорией, план которой составили без неё. Она положила ладонь на подоконник. Дерево было холодным, покрытым тонкой пылью.

Через несколько минут капитан вошёл с новой папкой. Он остановился у двери, увидел Веру и Левина, затем положил папку на стол.

— Проект группы, товарищ майор.

— Оставьте.

Капитан вышел, закрыв за собой дверь.

Левин открыл папку. Внутри лежало машинописное распоряжение с ещё не поставленной печатью. В верхней части: «Оперативная группа. Направление: Москва — Брест. Цель: сопровождение специальных материалов, проверка перевозочных документов, взаимодействие с карантинным узлом».

Ниже шёл список.

«Климов И. П.»

«Белова Н. С.»

«Вайс Э. Р.»

Ещё две фамилии, незнакомые Вере, были зачёркнуты красным карандашом. В самом низу стояла её строка.

«Соколова В. А. — особый объект сопровождения. К-7».

Она читала её так долго, что буквы начали распадаться на чёрные значки.

Левин увидел.

Ничего не объясняя, он взял карандаш, перечеркнул всю строку одной ровной линией. Потом перевернул лист, нашёл чистое место внизу и написал:

«Соколова В. А. — оперативный сотрудник. Документальная проверка».

Он подвинул распоряжение к ней.

Вера смотрела на исправление.

— Не надо делать вид, что это отменяет прошлое.

— Не отменяет, — сказал Левин.

— И не делает меня вашей сотрудницей по доброй воле.

— Вы были сотрудницей до этой ночи.

— Нет. До этой ночи я думала, что служу системе, которая хотя бы сообщает человеку, когда использует его жизнь.

Он не ответил.

Вера взяла лист. Фамилии Климова, Беловой и Вайс ничего ей не говорили. Обычные строчки, люди без лиц, с которыми через несколько часов ей предстояло ехать в сторону, где на картах кончались понятные сведения. Она задержалась на слове «Брест».

Слово было знакомым по учебникам, по фронтовым рассказам, по железнодорожным сводкам. Город на границе, узел путей, старые склады, военные линии, чужие языки в бумагах. Теперь он стоял рядом с номером партии, немецкими пометками и исчезнувшим маршрутом эшелона.

— Когда выезд? — спросила она.

— Предварительно сегодня вечером. Если западный узел подтвердит приём, отправитесь военным составом. Если нет — на рассвете.

— Откуда?

— Закрытый грузовой двор. Адрес вам выдадут отдельно.

— Оружие?

— Служебное. Ограниченный боезапас. Дополнительное получите перед выездом, если будет распоряжение.

— Вещи?

— Тёплая одежда, документы, санитарный комплект. Никаких личных вещей сверх необходимого.

— Я возьму свою сумку.

— Возьмёте.

Вера кивнула. Она уже думала не о вещах, а о том, что может спрятать в подкладку, какие записи переписать от руки, какие номера запомнить до того, как папки опять исчезнут за железными дверцами.

Левин вынул из ящика небольшой блокнот в тёмной обложке.

— Возьмите.

— Что это?

— Чистый блокнот.

— У меня есть.

— Этот без учёта. Не для официальных записей.

Она не протянула руку.

— Это тоже часть вашей защиты?

— Нет. Это возможность оставить себе копии того, что вы увидите.

— А вы не станете требовать его обратно?

— Стану, если будет приказ. Но до этого — нет.

Вера взяла блокнот. Бумага была плотная, с водяным знаком. Она перелистнула несколько страниц. Пусто.

— Если в нём окажется что-то лишнее, я пойму, откуда, — сказала она.

— Понимаю.

Он говорил правду или умел произносить её голосом, который звучал как правда. Теперь Вера не могла отличить одно от другого. И не собиралась делать вид, что способна.

В дверь снова постучали. Медсестра заглянула внутрь.

— Товарищ лейтенант, простите. Каша остынет.

Вера посмотрела на часы. Почти девять.

— Несите сюда, — сказала она.

Медсестра исчезла и вернулась с миской, накрытой тарелкой, и ломтем чёрного хлеба. Поставила на край стола, стараясь не смотреть на служебные бумаги.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Когда она ушла, Вера взяла ложку. Каша была жидкая, пшённая, с привкусом подгоревшего молока. Первые две ложки дались тяжело. На третьей тошнота поднялась к горлу, и она остановилась.

Левин встал, налил ей воды из графина.

— Не надо, — сказала она.

— Это вода.

— Я вижу.

Он поставил стакан рядом с миской и отошёл.

Вера съела ещё несколько ложек, медленно, не поднимая глаз. Ей не хотелось принимать от него ничего, даже воду, даже совет врача. Но ей нужно было ехать. Для этого требовалось держаться на ногах, читать документы, не падать в коридоре перед чужими людьми.

Она выпила половину стакана.

— Повторный анализ я сдам до полудня, — сказала она.

— Хорошо.

— Только общий. И в моём присутствии всё подпишут.

— Я распоряжусь.

— Не распоряжайтесь. Передайте врачу мои условия.

Левин едва заметно кивнул.

— Передам.

Она доела хлеб, оставив кашу почти нетронутой. Затем достала из сумки карандаш и переписала в блокнот номера: ТЖ-09, 36; 4-17/Б; Q-4; Москва — Брест; эшелон 42; шестой вагон. Отдельной строкой — WALDHAUS. Она не знала, зачем записала последнее слово. Может быть, потому что его пытались вычеркнуть.

Потом убрала блокнот во внутренний карман кителя.

— Я хочу копии этих листов, — сказала она.

— Копии по курьеру — да. По эшелону — только выписки.

— Почему?

— Оригиналы должны остаться в архиве объекта.

— Я не просила оригиналы.

— Карточка эшелона содержит данные других эвакуированных.

— Закройте фамилии. Номер и маршрут оставьте.

Левин посмотрел на неё с коротким вниманием, в котором не было ни одобрения, ни удивления. Просто признание того, что она продолжала работать.

— Сделаем.

— И копию карты.

— С зачёркнутыми фрагментами.

— Если фрагменты уже зачёркнуты, что вы ещё собираетесь скрыть?

— Координаты служебных объектов.

- Я не просила координаты.
- Тогда получите карту с маршрутом.
- Хорошо.
- Она произнесла это без благодарности.

К полудню «Вектор» стал шумнее. По коридорам ходили люди в халатах и форме, переносили ящики с ампулами, папки, металлические контейнеры с пломбами. В одном из кабинетов спорили о вагонных креплениях; из-за закрытой двери долетали слова «санитарный режим» и «герметичная тара». Никто не говорил о болезни громко. Её называли грузом, материалом, случаем, инцидентом. Вера уже знала, что за аккуратными словами могут скрываться живые люди с лихорадкой, судорогами, потемневшими глазами и чужой кровью на губах.

Она прошла повторный осмотр в маленькой процедурной. Врач объяснил каждое действие прежде, чем к нему приступить. Медсестра вскрыла стерильную иглу при ней, подписала пробирку и повернула этикетку так, чтобы Вера прочла: «Соколова В. А. Общий анализ». Вера отметила это машинально. Не доверяла — проверяла.

- Вам нужен покой, — сказал врач, когда закончил.
- Не сегодня.
- Тогда хотя бы сон до выезда.
- Постараюсь.
- Не носите тяжёлое.
- У меня будет оружие.
- Я имел в виду ящики.
- Я тоже.

Врач устало потёр переносицу.

— При первых признаках сильной боли, кровотечения, потери сознания, высокой температуры вы обязаны сообщить сопровождающему.

- Я сообщу, если это будет необходимо.
- Это необходимо всегда.
- Нет. Не всегда.

Он посмотрел на неё, но спорить не стал.

На обратном пути Вера задержалась у окна в конце коридора. За территориальной оградой Москва жила своей обычной, поломанной тревогой. По улице шёл трамвай, медленно, с тускло освещёнными окнами. Возле булочной стояли люди. У перекрёстка милиционер проверял документы у двух мужчин с чемоданами. Вдали завывала сирена — не длинно, не как воздушная тревога, а короткими предупреждающими гудками. Несколько прохожих подняли головы, но никто не побежал.

Город ещё держался на привычке. На очередях за хлебом, на расписаниях трамваев, на женщинах в платках, несущих сетки, на кондукторах, которые продолжали требовать билеты. Но под этой привычкой уже лежало другое: карантинные посты, закрытые платформы, люди, которые не знали, можно ли прижать ладонь к лицу раненого, не станет ли кровь на рукаве смертельной ошибкой.

Вера вспомнила конвоира на Лубянке. Его крик. Рывок. Выстрел Левина.

Она не видела тогда всей картины. Не знала названия инфекции, не понимала, почему немецкий курьер двигался так, будто боль и страх уже не принадлежали ему. Теперь знала достаточно, чтобы не путать болезнь с мистикой. Nachtröt не поднимал мёртвых. Он ломал живых — нервы, память, тормоза, способность узнать своего. От этого было не легче.

В кабинете Левина её ждали копии. Курьерская папка стала тоньше: из неё убрали несколько листов, но оставили накладные, карту, список кодов и выдержку из протокола. В отдельном конверте лежала выписка по эшелону 42. Фамилии остальных эвакуированных были аккуратно закрашены чёрной тушью. Мария Соколова осталась.

К листам прилагалось распоряжение о выезде. Теперь на нём стояла печать.

«Сбор: 20:00. Грузовой двор, сектор 4. Маршрут: Москва — Брест. Участникам иметь при себе служебное удостоверение, оружие, тёплое обмундирование, средства индивидуальной защиты. О времени отправления сообщить дополнительно».

Строка с её фамилией была перепечатана. «Оперативный сотрудник. Документальная проверка».

Вера прочла её и положила лист.

— Вы быстро работаете, — сказала она.

— Когда нужно.

— А когда не нужно?

Левин не ответил.

На краю стола лежал её лист с условиями. Теперь под текстом стояла его подпись. Рядом оставалось пустое место.

— Если я подпишу, это не значит, что я вам верю, — сказала Вера.

— Я понимаю.

— И не значит, что я согласна с тем, что было сделано.

— Понимаю.

— И если вы нарушите хоть один пункт, я не буду решать это в вашем кабинете.

— Это ваше право.

Она взяла ручку. Чернила легли на бумагу ровной тёмной линией. Вера Андреевна Соколова. Подпись была привычной — такой она подписывала протоколы, рапорты, запросы. Но никогда прежде её подпись не казалась такой тяжёлой.

Она отодвинула лист.

— Я приду к восьми.

— Вам выделили комнату до выезда. Можете отдохнуть.

— Могу.

— Вера Андреевна.

Она уже была у двери.

— Что?

Левин стоял за столом, положив ладони на папки. Лицо его опять стало собранным, служебным. Только пепельница рядом с локтем говорила, что он не спал не меньше её.

— Брест не гарантирует ответ.

— Я знаю.

— И поездка не приблизит вас к матери, если документы окажутся ложными.

— Я знаю.

— Тогда почему вы соглашаетесь?

Вера посмотрела на него.

Ей хотелось сказать: потому что вы не оставили мне ничего другого. Но это было бы неправдой. Другой выбор был. Остаться. Лечь на узкую койку под чужое одеяло. Пить сладкую воду, сдавать анализы, ждать, пока кто-то принесёт новую папку или не принесёт её вовсе. Позволить слову «К-7» снова стать главной строкой в её деле.

Она не хотела ехать. Не хотела видеть западные карантинные посты, чужие грузы, документы, от которых пахло старой немецкой пылью. Не хотела садиться в военный эшелон, когда мать исчезла в другом, под номером сорок два. Не хотела быть беременной и не знать, что именно у неё отняли вместе с правом согласиться.

Но Брест был первым местом, которое существовало не только в тумане чужих обещаний. Его название стояло на карточке эшелона. На накладной курьера. На карте. В донесении о заражённом грузе.

— Потому что там след, — сказала она. — И потому что я не отдам его вам.

Левин кивнул.

— Понимаю.

— Нет, — сказала Вера. — Но вы хотя бы слышите.

Она вышла в коридор.

Дверь закрылась за спиной тихо, почти без звука. Вера остановилась у окна, достала распоряжение и ещё раз прочла первую строку.

Москва — Брест.

Потом сложила бумагу вчетверо и убрала во внутренний карман, рядом с блокнотом и удостоверением.

Это уже не было направлением, которое ей выдали. Это была нить, за которую она собиралась держаться сама.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.